

Огонёк

№ 25-26 1944 год.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧЕХОВУ

Кукрыниксы

«Хамелеон».

Над иллюстрациями к Чехову мы работали около двух лет.

Начали серию из тридцати рисунков в 1938 году и закончили в 1940 году.

Иллюстрации к Чехову были заказаны нам «Детиздатом», и это определило выбор рассказов.

Задача была очень сложна. Страшно было приступить к иллюстрированию Чехова.

Надо было поколению, не знавшему чеховской эпохи, передать сложную гамму чувств, настроений, общую тональность и стилевые особенности писателя. Надо было передать чеховский юмор и мягкий лиризм, чеховскую всепоглощающую любовь к русскому человеку, к родной земле, его оптимизм, наряду с этим его гневные обобщения и ненависть к пошлости и мещанскому прозябанию.

Тончайшие нюансы, как бы некоторая недоговорённость и вместе с тем величайший лаконизм, умение высказать всё, что переполняло писателя, — вот что предстояло нам передать в конкретном, зрительном образе.

Быт в рассказах Чехова дан в гениальных диалогах, и не об «обыгрывании деталей» и изображении подробностей быта, естественно, приходилось думать. Мы хорошо понимали, что в иллюстрациях к Чехову не может быть обобще-

«Тоска».

ний публицистического порядка, не может иметь место метафора, гиперболы или злоупотребление методом карикатуры.

Русский пейзаж с его неповторимой ласковостью и лиризмом, неотделимый от чеховских персонажей, занимающий такое большое место в творчестве писателя, нам был особенно близок и понятен.

Яркое знойное лето, холодная дождливая осень, снежная зима или ранняя весна — какими тончайшими средствами передаёт великий художник, мастер полутонов, все оттенки состояния природы, своё особое чеховское настроение!

Нам казалось, что мы, родившиеся в начале XX века, хорошо знаем эти маленькие заштатные провинциальные городки, «которые на географической карте даже под телескопом не найдёшь», где царили тишина, спокойствие и чинопочитание.

Мы росли и подолгу жили в провинции, где в центре города неизменно высилась каланча и тянулся ряд лабазных лавок.

Всё это мы знали и видели.

А трудности иллюстрирования Чехова в процессе работы казались иногда непреодолимыми. Как часто, огорчённые, мы бросали кисть и карандаш для того, чтобы вновь и вновь «прожить» Чехова.

Первые рисунки к рассказам мы сделали штриховыми. И было очевидно, что штрих не может передать чеховского настроения. Мы перешли к тоновым рисункам. Светотень, использование живописного пятна, дала нам очень много в передаче настроений иллюстрируемых рассказов.

Трудно нам самим говорить о том, насколько удачна наша большая работа над Чеховым.

Но, передавая яркое ласковое солнце, заливающее русские города, стремились мы как бы ещё сильнее подчеркнуть недостатки старой жизни («Надлежащие меры») или изобразить прекрасный русский пейзаж с бесконечно милыми, убегающими тропинками и перелесками для того, чтобы выразить глубокую человечность и любовь к девушке-учительнице («На подводе»).

Большую роль играет пейзаж в нашем рисунке к рассказу «На мельнице». С описания природы начинается этот рассказ и у Чехова. «Сырая и холодная осень... и далее характеризую

«Человек в футляре».

облик мельника. Чехов пишет: «...Сквозь расстёгнутую жилетку свободно проникает сырая мгла, но большое, чёрствое как мозоль тело мельника, повидимому, не ощущает холода...»

«...Твоя мельница словно место проклятое», — говорит ему старуха-мать. Низкое, нависшее небо, промозглая осенняя сырость, унылые сараи с навесами — и на этом фоне здоровенный, коренастый кулак протягивает двугривенный убогой старушке, как милостивый знак сыновнего-расположения.

Какими средствами можно передать реальный и вместе с тем жуткий по своей фантастичности рассказ «Спать хочется!» или охарактеризовать образ «Злоумышленника» — коротконогого мужичонку? Как показать шемдящую тоску извозчика, обычно покачивающегося на своих козлах в ожидании седока, глубокую грусть старика-отца, потерявшего единственного сына («Тоска»)?

Чехов — мастер нечеловеческого характера, драматических коллизий, художник народных типов.

— Его бесконечно трудно играть, — сказала нам Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

— Чехова очень трудно иллюстрировать, — скажем мы.

КУКРЫНИКСЫ.

«Белолобый».

«Скорая помощь».

Минск в день освобождения—3 июля

Фото С. Короткова

МИНСК В ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ—3 ИЮЛЯ

Фото С. Короткова

За несколько часов до того, как наши танкисты и пехотинцы ворвались в Минск, немцы стали поспешно поджигать город. Над Минском повис густой, едкий дым, языки пламени вырывались из-под крыш, из окон домов (снимки слева и внизу). Советские бойцы помешали гитлеровским разбойникам завершить своё чёрное дело. Вот три бандита-поджигателя (снимок справа). Боец Иван Приходько поймал их на месте преступления. Преступников ждёт заслуженная кара.

Трудно представить себе людей, внешне более разных, чем три человека Василий Кузовкин — богатырь-сибиряк, высок, плечист, слоен, как молодой кедр, — дерево его родины. В минуты короткого боевого отдыха, когда друзья начинают бороться, он легко кладёт на обе лопатки и маленького, весёлого, быстрого армянина Мартыга Баргомяна и коренастого, медлительного, широколицего казаха Юсупа Мамбедова, а иногда и обоих их вместе. Движения у него размеренные, плавные, в них чувствуются сила, ловкость. Сразу видно, что он человек бывалый и не растеряется ни при каких обстоятельствах.

Мартыга Баргомян быстр, весел, смешлив. Он любит поговорить, и, хотя по-русски изъясняется неважно, его обычно слушает вся рота, и вся рота смеётся его шуткам, на которые он великий мастер.

Юсуп Мамбедов молчалив, как камень, и иногда за день от него товарищи не слышат ни одного слова. Все трое — разведчики. Больше того: все трое — неразлучные друзья. И когда старшему Кузовкину командир вызывает к себе, даёт ему какое-нибудь особо сложное задание и спрашивает, сколько людей и кого именно ему в помощь дать, Кузовкин, не задумываясь, отвечает:

— Ефрейтора Мамбедова и рядового Баргомяна, товарищ майор.

БРАТСТВО

Майор Б. Полевой

троих — Кузовкина, Баргомяна и Мамбедова — спаяла крепкая боевая дружба, дружба навек. Не разлучаясь, вместе со своей частью друзья проделали славный боевой путь от Волги до Серета. Немало совершили они на этом пути славных дел, но то, что они сделали надних в предгорьях Карпат, затмило все остальные.

Дорога в этом месте вьётся в ложнине между двумя лесистыми скалами, вдоль безымянного горного ручья. Путь в горы лежит только по этой дороге, и вот тут-то, в самой узкой его части, стеснённой скалами, немцы поставили свои засады и создали в скалах прочную оборону, остановившую продвижение нашей части. Командир полка вызвал трёх друзей и приказал им пробраться во вражеский тыл и разведать силы врага. Срок им был дан сутки.

Разведчики откозыряли и ушли. Передовые посты видали, как они исчезли в лесу, взяв путь на большие серые скалы, отвесно нависшие над ущельем. Потом, утром, у вражеских укреплений раздались гром выстрелов, пулёмётные очереди, затем грохот, похожий на шум горного обвала; к палатке командира полка, на кра-

тельную заставу и выгнали немцев из их укреплений, из тяжёлых укреплений в скалах, которые недоступны ни бомбе, ни снаряду.

Получив приказание и посмотрев на карту, я сразу решил, что лучше будет дать крюку, пойти лесом и выйти по скалам выше места, где немцы сидят. Понимаете? — рассказывал неторопливо Кузовкин. — Расчёт был такой — нам-то немцев сверху видно, как вшей на плечи, а им нас — шип. Правда, на скалу лезть — нелёгкое дело, да ребята у меня вон какие, знаменитые, можно сказать, ребята, — и он указал рукой на друзей, довольно улыбающихся ему со своих складных коек, и на лежащие возле них, аккуратно сложенные гимнастёрки, на каждой из которых было по ордену Красного знамени и по медали «За оборону Сталинграда».

— Так вот ползли мы в скалы. Юсуп впереди ползёт, он как ящерица, Юсуп. У него рука точно липнет к скале, он мне верёвку сверху бросает, я поднимаюсь. Ну, а Баргомяша-то у нас — не мастак лазать, так мы его как редьку наверх вытягивали. Хорошо, быстро ли, медленно ли, но к утру мы на эти самые скалы

ливать. Раз, раз, раз. Мы с Баргомяшей из автомата, а Юсуп из винтовки. Метко бьёт. Что ни патрон, — то немец. А я кричу: «Рота, частый!» — Может, им и верно почудилась рота, только румыны, что у пушек сидели, — тёку, а немцы, что сзади у пулёмётов, — как откроют по ним огонь! А мы по немцам: один Юсуп душ десять в ад отправил... Тогда они, сволочи, за нами, да из миномётов.

— Раз, раз, раз... Мина мьяц, мьяц, — не утерпев, врывается в рассказ Баргомян, размахивая забинтованными руками. — Мне осколками по руке — раз... Полетел мой автомат вниз.

— Верно, у мины траектория крутая, она как раз доставать до нас стала, — продолжает со всё возрастающим увлечением Кузовкин. — Ах, ты, думаю, чорт возьми! Неужели уходить? Врёшь, а гранаты на что? И бросили с Юсупом вниз гранаты. Опять румыны было начали тикать, да немцы их опять пулёмётами обратно повернули. Приём известный. А гранат уже нет. Юсуп озлился, сгоряча камень вниз метнул: «На, бери!» Камень полетел, рассыпался, слышим, внизу заорали. Попал. Тут у меня идея... Постой... Мы вам ещё дадим.

А скалы крутые, отвесные, ветрами, солнцем точёные. Их только колыхнуло. Ладно! А мы ещё с собой в разведку тол берём. Мы с Юсупом

Эти восемь славных воинов составляют расчёт тяжёлого орудия. Слева направо: грузин Георгий Доташвили, украинец Григорий Голобородько, русский Леонид Мальцев, мариец Александр Романов, осетин Коста Харебов, азербайджанец Юсуп Насибов, белорусс Григорий Шумилин, еврей Самуил Буртич.

Фото С. Короткова

Впрочем, вопросы эти друзьям задают только для формы. Командир полка знает, что лучше этой тройки задание никто не выполнит, что друзья в бою гармонично дополняют друг друга, и Кузовкин представляет в их содружестве мощь, силу и мастерство, Баргомян — военную хитрость, а Мамбедов — спокойствие, хладнокровие и особое, свойственное ему, степному табунщику и охотнику, умение применяться к местности, незаметно подползая к самым ногам врага и часами, лёжа в совершенной неподвижности, выжидать удобный момент, чтобы на него напасть.

Подружились, как мне рассказывали в роте разведчиков, они ещё в Сталинграде; им впятером пришлось защищать бензиновый бак. Здесь, в этом своеобразном доте, они в течение двух суток отбивали атаки целой немецкой роты. Двое из защищавших были убиты, а оставшихся

сивом короткохвостом жеребце, роняющем пену, подскочил окровавленный Юсуп Мамбедов и, свалившись с лошади, доложил, что путь свободен, немцы и румыны отступили. Больше ничего он не успел сказать и свалился без чувств от ран и усталости. А когда передовые роты рванулись вперёд, они убедились, что враг действительно бежал и в горловине ущелья стояли молча брошенные пушки с боеприпасами, пулёмёты посреди золотых россыпей стреляных гильз, и трупы немцев и румын, валяющихся между камнями. Тут же, у ствола бука, сидел Василий Кузовкин и держал на коленях перевязанную голову Баргомяна, лежавшего на подстилке из веток хвой.

От этих друзей, которых я нашёл в палатке медико-санитарного батальона, раскинутой в вышайшем саду, я и узнал, что произошло здесь поутру и как три бойца опрокинули

забрались, своего достигли. И когда малость рассвело, и туман с ложны сошёл, — видим немцев, ну как в театре. Сосчитал я: три пушки, миномётная батарея, два пулёмёта, а народу их там — не больше много. Только сидят-то они в скалах, поди выковырни их оттуда! Нипочём их снизу не выковырнуть, весь полк положи — не взять их снизу.

Да, разведали мы это всё, дело сделали, и думаю я: неужели так-то вот и уходить? А Юсуп, он уже свою винтовку снял, показывает на неё и вниз. Не любит он говорить, да я и так понимаю: цель-то, дескать, больно хороша. А он снайпер. У него рука да глаз верные. «Правильно, — говорю ему, — Юсуп, зря, что ли, мы боеприпасы носим?» И кричу во весь голос: «Рота! Короткими очередями по противнику — огонь!» А в горах звук-то как отдаётся! И начали мы сверху немца из автоматов по-

мигом сообразили. Я под одну скалу, он под другую. Килограммчика по два сунули. Бабах! И что тут случилось! Сами испугались. Скалы-то сорвались, да вниз, на немцев. Тут-то они и дёрнули от нас. А мы вниз. Ещё пыль не осела, а мы уж там. Я пулёмёт повернул, один и другой, на случай, если немцы очухаются. К одному сам, к другому Баргомяшу. А Юсуп — он у нас, даром что коротконогий, ох, какой быстрый хёдок. Сразу к командиру полка...

— Мой видит: коня ходит... Хорош конь, офицерский конь... Мой на конь... Давай, полковник, поступать, полковник, — говорит с койки Юсупов, и широкое его лицо расплывается в добродушную улыбку.

И они все тихонько смеются — три солдата Красной Армии, три друга, представители трёх народов Советского Союза, живущих в разных концах великой страны.

У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Фотоочерк Н. Аснина

Воздух сотрясается от грохота артиллерийской канонады, от разрывов снарядов. Но люди в белых халатах продолжают спокойно свою работу в просторных светлых палатках. В медсанбате, которым руководит капитан медицинской службы Коваленко, большинство врачей и сестёр — народ обстрелянный, бывалый. Они на фронте с первых дней войны. Три года, изо дня в день, они облегчают страдания, спасают жизни нашим воинам. Тысячи бойцов и командиров вернулись в строй из медсанбата. И недаром у многих врачей, сестёр, санитаров сверкают на груди ордена и медали. Правительство высоко оценило их самоотверженную работу.

В жестоком бою был ранен старший сержант Позняк. Санструктор Панфёрова подползла к раненому и наложила ему повязку. Она оттащила Позняка в укрытие и отправила на машине в медсанбат.

Врач осмотрел старшего сержанта и решил, что операцию откладывать нельзя. В большой палатке помещается операционная. Сюда бережно внесли Позняка. Военврач тов. Шейфер приступил к операции. Каждое утро врач делает обход палат. Хирург тов. Литвак справляется о состоянии здоровья раненых, осматривает их и даёт указания сёстрам (снимок слева).

В медсанбат приехал командир дивизии Герой Советского Союза Родионов. Он вручил правительственные награды бойцам и командирам, отличившимся в последних боях. Старшему сержанту Позняку командир дивизии вручил орден Красной звезды (нижний снимок слева). После обхода палаток и беседы с ранеными командир дивизии Родионов вручил награды лучшим работникам медсанбата (снимок справа).

НАСТУПЛЕНИЕ

Василий Ардаматский

(Отрывок из повести «Моя семья»)

Рисунок А. Житомирского

Янис прошёл мимо подъезда дома Эглит, то войти туда не решался. Он знал Виллиса Эглита очень давно. Вон там, на углу, была его лавка, в которой Янис покупал тетради, блокноты, книги. У Эглита была своя маленькая типография. Когда Янис приходил в магазин, он всегда слышал, как за перегородкой всхлипывала печатная машинка «американка», на которой печатали визитные карточки, прейскуранты для кафе, объявления.

Пуриэс разговаривал с Эглитом всего неделю назад. Они встретились на работе по расчистке железнодорожных путей от снега. Каждый день немцы стояли сюда сотни рижан. Пуриэс работал рядом с Эглитом, который всё время нецензурно ругал немцев, называя их свиньями, ворами, незадачливыми баронами. Пуриэс молчал и разговора не поддерживал—он знал прежнего Эглита достаточно хорошо. Кроме того Пуриэсу показалось подозрительным, что стоило только кому-нибудь приблизиться к месту их работы, как Эглит умолкал. Но затем произошло следующее: к ним подошёл молодёнький немец в форме офицера войск Тодта. Он несколько минут стоял перед работающим Эглитом и потом, зашевелившись, спросил:

— Ну что, толстяк, научился работать?

Эглит молча продолжал работу. Немец закричал:

— С вами разговаривает немецкий офицер! Потрудитесь отвечать!

Эглит выпрямился, воткнул лопату в снег и спокойно спросил:

— Что вам от меня угодно?

Было в этом вежливом вопросе столько презрения, что лицо немца покрылось красными пятнами.

— Толстая свинья!—завизжал он.—Работать ты научился—я научу тебя уважать германскую армию!

С этими словами офицер наотмашь ударил Эглита по лицу. Тучный Эглит не шевельнулся и продолжал стоять всё такой же презрительно спокойный. Немец почувствовал себя неловко и вдруг закричал на молчавшего Эглита:

— Молчать!

Молчание Эглита казалось ему громче крика. Немец съёжился и, бросив угрожающую фразу: «Мы доберёмся до тебя»,—ушёл.

Эглит продолжал стоять, потом, всё также молча, взял лопату и начал расчищать снег. Когда работа была закончена, он вытер шапкой потный лоб и сказал:

— Неужели нет верёвки, чтобы их удавить?

Пуриэс неопределённо ответил:

— Наверное, есть...

Тогда Эглит с неожиданной горячностью воскликнул:

— Последнее добро отдам за эту верёвку!

И, вскинув лопату на плечо, зашагал к вокзалу...

Приказ партийной организации снова вернул Яниса из партизанских лесов в Ригу. Красная Армия подступала к границам Прибалтики, и нужно было срочно широко информировать население латвийской столицы о ходе войны. Здесь, на месте, Янис быстро убедился, что немцы тщательно и умело скрывают от населения положение на фронте. Старый знакомый Яниса—рабочий, с которым они встретились на вокзале—с потрясущей безнадежностью произнёс:

— Эх, парень, ты мне говоришь о Красной Армии? Но ведь её нет, а их (старик взглядом показал на немецкого часового) мы видим каждый день. Вон он стоит... Видал, какой важный?

Но в то же время Янис видел, как загорались у людей глаза, когда они слушали его рассказ о победах Красной Армии, как эти люди сразу приободрились и словно немедленно хотели сде-

лать что-нибудь такое, что ускорило бы приближение желанного дня освобождения.

Янис уже встречался со многими коммунистами-подпольщиками. Ночи напролёт обсуждали они, как организовать оповещение населения. Все единодушно считали, что эта работа сразу должна быть поставлена так, чтобы в самом размахе дела народ почувствовал бы силу, противостоящую немцам. Нужна типография. И вот тогда-то Пуриэс предложил устроить встречу с Эглитом. Было решено, что пойдёт Янис. Он человек ещё не примелькавшийся в городе, и в случае чего ему легче будет скрыться...

Вот и дверь с медной табличкой: «В. Эглит». Янис нажал кнопку, но звонка не услышал. Он нажал ещё раз—за дверью было тихо. Янис постучал—и тотчас послышались шаги и хриплый голос просил:

— Кто там?

— Свой,—отвечал Янис.

— Кто свой?—раздалось из-за двери.

— Вам письмо,—быстро соврал Янис.

Щёлкнул замок, и дверь открылась. На пороге стоял Эглит. Янис, не ожидая приглашения, вошёл в переднюю.

— Мне нужно,—сказал он,—поговорить с вами.

Эглит стоял неподвижно.

— Кто вы такой?—спросил он мрачно.

— Я тот, кому вы говорили, что готовы отдать своё последнее добро за верёвку, чтобы удавить немцев.

— Врёте,—приглушённым голосом возразил Эглит,—я этого никогда не говорил...

Янис на мгновение растерялся. Именно этого он и опасался.

Эглит, внимательно наблюдавший за Янисом, вдруг тихо произнёс:

— Пройдём в мою комнату.

Янис поручил ему разбросать листовки в помещении вокзала.

ШЕСТЬ СЫНОВ-ВОИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Репортаж специального корреспондента
«Огонька» В. Цейтлина

Олёна Григорьевна Гаврилюк проводила в Красную Армию трёх своих сыновей — Ивана, Илько и Миколу — ещё до начала Отечественной войны. Трое младших остались с матерью в селе Била, Черновицкого района.

Началась война. Враг вторгся в пределы Украины. Немцы свирепствовали в селе Била, угоняли молодёжь на фашистскую каторгу. Три сына Олёны Григорьевны — Георгий, Виктор и Константин — скрывались в лесах, скитались в окрестных деревнях. Они дождались, наконец, светлого дня, когда Красная Армия выгнала немцев из родного села. И тогда Олёна Григорьевна благословила своих младших сынов и послала их сражаться с немецкими захватчиками.

«Я дала Красной Армии шесть своих сынов, — сказала мать на сельском собрании, — я готова отдать нашему государству всё, что у меня есть».

На нашем снимке: дочь Олёны Григорьевны Мидора, муж которой также сражается с врагом, читает матери письмо брата, полученное с фронта.

Они сели в кресла друг против друга. Как всегда в минуты опасности, к Янису возвращались ясность мысли, решительность. И он сразу перешёл к делу:

— Есть организация, которой надо широко оповестить население о том, что Красная Армия уже у границ Латвии.

— Вы уверены в том, что Красная Армия действительно там?

— Да, у нас есть связь с армией.

— Связь с армией или вы слушаете Москву?

— И то и другое. А что?

— Москву я тоже слушаю, — сказал Эглит. — А у вас, вы говорите, есть связь с самой армией?

— Да. И к вам у нас просьба — мы думаем, что у вас где-нибудь спрятаны шрифты, а может быть, и машина. Нам всё это нужно.

Глаза Яниса пронизывали Эглита. Старик спокойно выдержал этот взгляд.

— Я не знаю, кто вы, но мне терять нечего...

И, помолчав, прибавил:

— Шрифты есть. Машины нет. Но можно сделать времянку — тискать рукой.

***

Через час Янис и Эглит уже были в камере племянника Эглита — худого парня с лихорадочным румянцем на щеках. Разговор был недолгим: уже завтра можно было начинать печатать листовки.

На обратном пути Эглит спросил:

— Как это вы решились идти ко мне?

— Мы не боимся тех, кого бьют немцы.

— Но вы ведь знаете, что я никогда не был вашим?

— Знаем. Но вы же любите Латвию?

— Если бы я не любил её, — вздохнул Эглит, — мне, наверное, было бы легче. Может быть, я уже давно тогда смог повеситься.

...Племянник Эглита работал с нечеловеческим упорством. Надсадный кашель рвал его грудь, но он ни за что не хотел, чтобы к печатному станку встал Янис. Он был неразговорчив. И только однажды, после долгого кашля, присев на кровать, с горячностью обратился к Янису:

— Я так мечтал учиться и только при советской власти попал в университет. Я мог лечиться. Мне уже обещали путёвку в Крым, а теперь... они всё сломали, — он говорил всё это с такой глубокой тоской, что Янис сразу понял: в жизни этого парня осталось только одно — месть.

Тысячи листовок с сообщениями Совинформбюро, с призывами к населению ежедневно стали распространяться в Риге.

Немцы начинали верещать. Они опубликова-

ли в газетах предупреждение о том, что к распространяющим враждебные слухи будут применяться беспощадные меры. Затем это же предупреждение стали ежедневно зачитывать по радио. Но чем больше нервничали немцы, тем сильнее действовали листовки. Янис нашёл того рабочего, с которым он виделся в первый день своего возвращения в Ригу, и поручил ему разбросать листовки в помещении вокзала. Тот охотно взялся выполнить задание. Они стояли на том же месте у ограды перрона, и точно так же в глубине павильона стоял немецкий часовой. Рабочий, посмотрев в его сторону, прошептал:

— Они у меня съедят эту порцию!..

В кинотеатре на Эспланаде, в момент показа эпизода военной хроники, в зале раздался крик:

— Враньё! Покажите, как вы бежите от русских!

Поднялся хохот, раздался аплодисменты. Вспыхнул свет. Двое штатских, словно ждавших этого инцидента, тотчас появились между рядами и, всматриваясь в лица зрителей, быстрой походкой прошли через весь театр. Но лица всех были непроницаемы. Сеанс прервали. Публике было предложено покинуть зал. Люди молча встали и так же молча вышли.

***

Старший следователь гестапо Мильх явно нервничал. На столе перед ним лежала новая листовка. Мильх встал, подошёл к окну. Улица была затянута туманом. Напротив, у ворот, покачивалась унылая фигура часового. Мильх вернулся к столу и снял телефонную трубку:

— Зогель, зайдите ко мне...

Через минуту в кабинет вошёл высокий молодой человек с узким лицом.

— Сядьте, — подчеркнуто неофициально проговорил Мильх. — Как вы смотрите на это? — протянул он Зогелю листовку. Тот взял, прочитал, и, положив обратно на стол, сказал:

— Новость старая. Я попрежнему считаю, что появление этих листовок плохо характеризует работу нашего оперативного отдела.

— Сзовите сегодня на семь часов вечера совещание с оперативным отделом, — распорядился Мильх. — послушаем их сообщение...

Зогель, чуть поклонившись, вышел из кабинета.

Мильх появился в Риге после смерти своего предшественника, убитого партизанами ещё в 1942 году, и быстро списал себе славу жестокого, хитрого начальника. Но за последнее время им всё чаще и всё сильнее овладевало беспокойство. Мильху докладывали то о поимке немецкого

солдата-дезертира, распространявшего панические слухи, то о пессимистических настроениях солдат, едущих на побывку в Германию или возвращающихся после ранения на фронт. И, наконец, эти листовки...

Мильх выругался, лицо его сразу приняло злое выражение. Он нажал кнопку и, когда адъютант вошёл, крикнул:

— Капитана Файнгольда ко мне!

Начальник зондеркоманды Файнгольд вошёл своей обычной развинченной походкой и вытянулся перед Мильхом.

— Как вы исполняете приказ о ликвидации следов очистительной работы?

Файнгольд деловито докладывал:

— Могилы вскрыты и трупы расстрелянных сожжены. С восьмого числа расстрел производится в новом месте, на тридцать километров дальше от города, чем раньше.

Мильх раздражал его нудный голос. Он прервал Файнгольда:

— Знаете ли вы, что сделали они с нашими людьми в Харькове?

— Знаю, — спокойно ответил Файнгольд и удивлённо посмотрел на Мильх. Тот почувствовал себя неловко.

Желая исправить положение, Мильх поблагодарил Файнгольда, осведомился о здоровье жены. Файнгольд улыбнулся:

— Спасибо. Ничего. Она, между прочим, тоже написала мне о Харькове... Разрешите идти?

В словах Файнгольда Мильх уловил намёк. «В конце концов, Файнгольд имел основание сделать этот намёк, — подумал он, — в самом деле, я стал смотреть на вещи, как истерическая женщина».

***

В тот момент, когда Мильх на совещании разносил служащих оперативного отдела, на лестнице соседнего с гестапо жилого дома появился старик-рабочий. Он шёл от двери к двери и в каждый ящик для почты опускал листовку. В других районах города ещё десятки людей делали то же самое.

На другой день утром к Янису пришёл Эглит. Он был весел и почему-то принарядился.

— Вот посмотрите, — сказал он Янису, — что я вынул сегодня из своего почтового ящика.

Они оба рассмеялись — это была их листовка. На одной стороне листовки было крупно напечатано сообщение о том, что Красная Армия вступила на территорию Прибалтики. На другой — в три колонки — список немцев, орудовавших в Латвии. Под списком крупным шрифтом — строка: «Был суд в Харькове, будет и в Риге. Ни один из палачей Латвии не уйдёт от расправы».

Фамилия Мильха в списке стояла четвёртой...

Ч Е Х О В

(К 40-летию со дня смерти)

М. Добрынин

Россия, родина, русский народ — вот задушевная дума и любовь Антона Павловича Чехова. Это та общая идея, которая связывала в одно целое его мысли, чувства, понятия... Герой чеховского рассказа «Скучная история» Николай Степанович, известный профессор, страдает оттого, что в его пристрастии к науке, в желании жить, в стремлении познать самого себя нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое. У Николая Степановича каждое чувство и каждая мысль живут особняком. Во всех его суждениях о науке, театре, литературе и во всех картинах, которые рисует его воображение, «даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего».

Трагедия Николая Степановича — явление типичное для русской жизни того времени. Это была страшная болезнь, её переживали многие, но Антон Павлович Чехов не страдал ею. У него была общая идея. Правда, её не все понимали, а некоторые и по сие время не понимают.

Чехов — глубоко русский писатель со всеми замечательными чертами, свойственными классической русской литературе, нашей славе, нашей национальной гордости. Напомним интересное и в высшей степени правильное суждение о Чехове Льва Николаевича Толстого. «...Вот вы, — он (Толстой) обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский». Это драгоценное свидетельство не сравненного знатока России говорит об очень многом.

Оно говорит о том, что, как оригинальный большой писатель, подобно Пушкину, Толстому, Шедрину, Горькому, А. П. Чехов имеет свой взгляд на жизнь, на мир, свою манеру изображать русскую действительность. Манера эта очень своеобразна, проста и доступна каждому, но определить её очень трудно. Когда Антон Павлович начал печатать свои произведения, то очень многим казалось, что это талантливый писатель, но в высшей степени безразличный к горю и страданиям людей, писатель без направления, без тенденций, писатель без связи со славной, героической традицией русской литературы.

Такой взгляд на художника укоренялся потому, что сам Антон Павлович не сразу понял, какая громадная сила была в его руках, не сразу осознал, что его прекрасный талант — не забавная и отчасти полезная игрушка, а величайшая драгоценность. Обладание этой драгоценностью требует ответственности перед собой, перед литературой, обществом, Россией...

Чехов быстро почувствовал эту ответственность и стал с честью выполнять роль продолжателя великодушных традиций русской классической литературы, стал ярким и своеобразным выразителем её героического гражданского пафоса. Его упрекали в отсутствии миросозерцания, а Максим Горький справедливо писал о нём: «У Чехова есть нечто большее, чем миросозерцание, — он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше её. Он освещает её скуку, её нелепости, её стремления, весь её хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддаётся определению, — быть может потому, что высока, — но она всегда чувствовалась в его рассказах и всё ярче пробивается в них».

Высшая точка зрения Чехова действительно неуловима, но её ощущают все читатели. Она, как думает Горький, звучит в чеховской грусти, в уп-

рёке людям за неумение жить, в его сострадании к людям, в его скорби, которая способна очеловечить всех, кого она коснётся. Чеховское представление жизни, его высшая точка зрения проистекают из его любви к России, родине, русскому человеку. Художник прекрасно постигал Россию во всём её своеобразии и многообразии и рисовал изумительные картины нашей жизни без прикрас, правдиво, никогда ничего не выдумывая от себя, не изображая того, чего на свете не бывает. Правдивые, реалистические произведения Чехова всегда раскрывают читателям, как хорошо хорошее, как дурно дурное. Они учат замечать хорошее в жизни, выдвигают его вперёд и заставляют подражать ему.

Одно прикосновение писателя даже к самым страшным людям в жизни очеловечивает их. В рассказе «Мужики» дана грустная картина русской деревни 80—90-х годов XIX века. Корыстолюбие и произвол чиновников и приказчиков, которые «наезжают в деревню только за тем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать». Тяжёлый труд, жестокие зимы, скудные урожаи, пожары, недостатки и темнота, угнетение человеческой личности, безысходность деревенской жизни, и всё это окрашено той чеховской скорбью, которая обладает чудесным

свойством очеловечивать всех, кого она коснётся.

«Да жить с ними было страшно. Но всё же они — люди, они страдают и плачут, как люди, в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдание».

Мудрый писатель, как опытный врач, как замечательный инженер человеческих душ, Антон Павлович прекрасно видел все неурядицы и недостатки русской жизни. И было бы грубейшей ошибкой думать, что он мирился с ними. Нет, он непримиримый враг мещанства, ограниченности, пошлости, обывательщины, рутин, сытого довольства...

Такие жемчужины русской поэзии, как «Дама с собачкой», «Ионыч», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Архирей», «Душечка», «Учитель словесности», «Степь», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Три сестры», «Вишнёвый сад» и т. д. и т. д. — изумительные образцы мудрости, глубокого понимания жизни, страстного проявления любви писателя к России, родине, русскому человеку, родной природе.

Грязное море мещанского существования, мелкие, хмурые, тяжёлые люди, слабосильные мечтатели, дерзкие хищники, безумная скука и безысход-

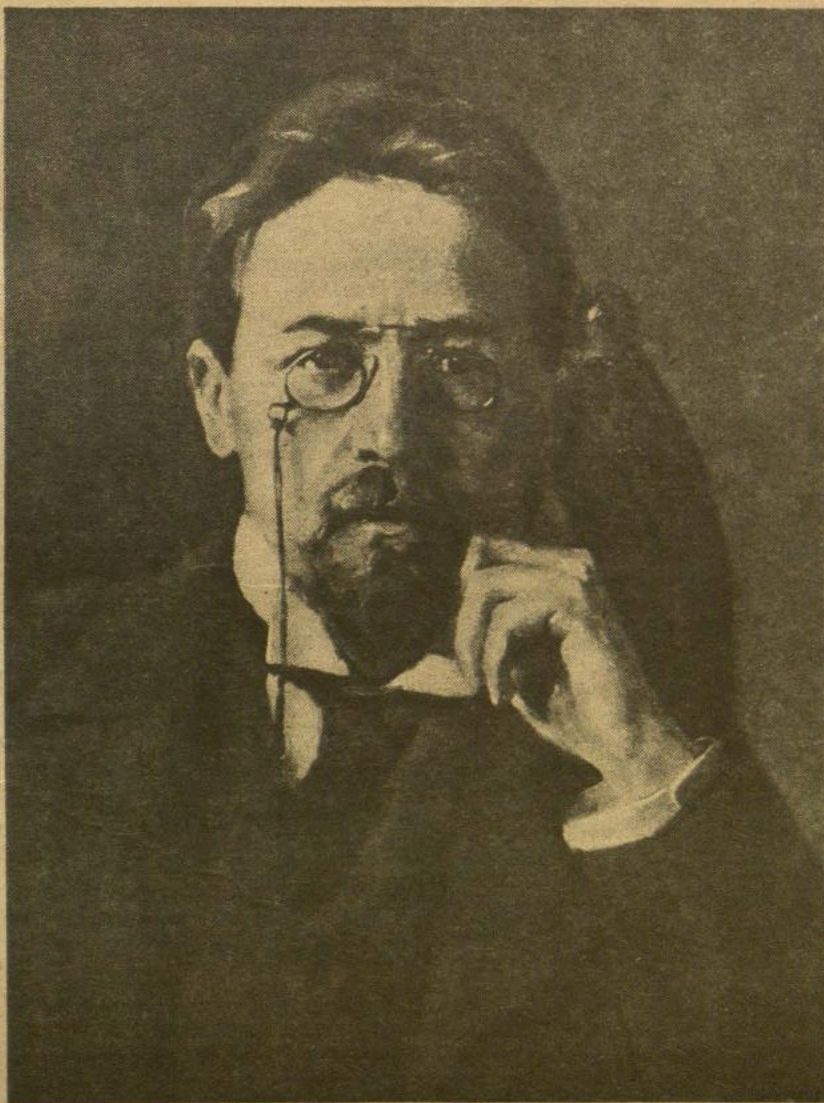
ность, сытое самодовольство, торжествоующая пошлость, и при всём этом чеховская вера в человека, в его светлые начала, в его будущее. «Моё святая-святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютная свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был великим художником». А он и был великим художником, поэтому с каждым новым рассказом он «усиливал одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни» (М. Горький).

Дело вовсе не в том, что в произведениях Чехова очень много высказываний, в которых видна его любовь к России, а в том, что дума о России — основная идея его жизни и творчества. Между ним и Россией существовала такая же глубокая связь, как та, которой мучился Гоголь: «Какая непостижимая, тайная сила влечёт к тебе?»

Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоих тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца? Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? — мучительно спрашивал Гоголь. Но разве не та же песня звучит в «Степи» Чехова, разве не похожие образы, чувства и мысли возникают у читателя, когда перед ним проходят изумительные чеховские картины?

От «Мёртвых душ» до «Вишнёвого сада» звенит эта песня, зовёт, рыдает, хватается за сердце. Когда умер Чехов и его песня оборвалась, вся Россия почувствовала большое горе. Ещё при жизни Антона Павловича М. Горький высказал такую мысль: «Когда умрёт Чехов — умрёт один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, праязливый, — друг, любящий её, сострадающий ей во всём, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещённым грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который всё понимает».

Понять — значит простить, — говорят люди. Но, чтобы понимать, писателю надо иметь общую идею, ибо «коли нет этого, то, значит, нет и ничего». Эта общая идея — любовь и дума о России — спасла Чехова как писателя, дала ему силу не только с жестокой ясностью осветить сутолоку и закоулки современной ему жизни, всю её пошлость и скуку, в которой задыхаются маленькие люди, дала ему силу не только сказать им, как они скверно живут, но и призвать к преобразованию жизни, поверить в то, как хороша жизнь на земле, как богата Россия хорошими людьми, какое у неё блестящее будущее. Общая идея дала ему силу стать в один ряд с теми, кто восхитал его своей идеальностью, благородным честолюбием, имеющим в основе честь родины, упорством, непобедимым никакими лишениями и искушениями личное счастье, богатством знаний и трудолюбием, стать в один ряд с теми, кого он называл людьми подвига.

А. П. Чехов.

С портрета художника И. Бразд

ЗАДУШЕВНЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Т. Щепкина-Куперник,

заслуженный деятель искусств

Часто за последние годы, возвращаясь мыслями к прошлому, я думала о Чехове и спрашивала себя: что бы делал Антон Павлович, как бы он поступал, что бы писал, если бы дожил до наших дней?

Чехов страстно любил Россию, русский народ. Строгий, я бы сказала, целомудренный в выражениях своих чувств, часто скрывавший их под шуткой, он никогда не говорил высокопарных слов о «любви к меньшому брату» и т. п., на что были так щедры либеральные болтуны его времени, но вся его жизнь, вся его деятельность были направлены на служение народу и родине. Всё возрастающая литературная слава Чехова заслоняла от современников его общественную деятельность, но, когда я вспоминаю всё, что он успел сделать на своём коротком веку: его деятельность во время голода, во время холеры, построенные при его содействии и горячем участии школы, больницы, шоссе, дороги, — я вижу, какое огромное наследство он оставил.

Вспоминается маленький штрих. Это было ещё до моего знакомства с семьёй Чеховых. Я поехала в деревеньку около Лопасни навестить мою бывшую кормилицу. У неё оказался туберкулёз лёгких. Я обеспокоилась и стала расспрашивать, лечится ли она, есть ли там доктор, есть ли лекарства...

— Не беспокойся, родимая, — отвечала она, — меня такой дохтур лечит, такой дохтур, что и в Москве не найти: Антон Павлович. Он и лекарства мне все даёт. Недалече живёт — вёрст за восемь...

Только через несколько месяцев, когда я попала в Мелихово — усадьбу Чехова — верстах в

тринадцати от Лопасни, — я поняла, кто это был «Антон Павлович». Он, действительно, по доброй воле лечил бесплатно всю округу, в любую пого-

МЫСЛИ А. П. ЧЕХОВА

В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

(«Дядя Ваня»)

Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

(«Крыжовник»)

Назначение человека или ни в чём, или только в одном: в самоотверженной любви к ближнему.

(«Рассказ неизвестного человека»)

Жениться без любви так же подло и недостойно человека, как служить обедню не веруя.

(«Дуэль»)

Богатые люди имеют всегда около себя приживалов; науки и искусства тоже. Кажется, нет на свете такого искусства или науки, которые были бы свободны от присутствия «инородных тел».

(«Скучная история»)

Есть особая порода людей, которые специально занимаются тем, что вышучивают каждое явление жизни; они не могут пройти даже мимо голодного или самоубийцы без того, чтобы не сказать пошлость.

(«Рассказ неизвестного человека»)

Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушные — это паралич души, преждевременная смерть.

(«Скучная история»)

Праздная жизнь не может быть чистой.

(«Дядя Ваня»)

— Я всё думаю: что мы изображали бы из себя, если бы жизнь человеческая была построена на началах непротивления злу?

— По всей вероятности, ничего. Непротивление злу дало бы полную свободу преступной воле, а от этого, не говоря уж о цивилизации, на земле не осталось бы камня на камне.

— А что же бы осталось?

— Баши-бузуки...

(«Хорошие люди»)

Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку.

(«Три сестры»)

Антон Павлович Чехов. 1904 год.

ду по первому зову ехал или шёл к крестьянам, забывая свою болезнь. А ведь в это время он писал — и какие вещи: «Палата № 6», «Чёрный монах», «Три года», «Чайка» и многое другое. И ещё успевал копаться в своём саду, сажать розы и обрезать яблони.

Я говорю о мелиховском периоде, с которым особенно связана моя дружба с семьёй Чеховых. Антон Павлович очень полюбил Мелихово. Места там нельзя назвать красивыми, но большая русская предесьть была в них: «Глушь, тишина, соловьи, лоси...», — как писал он. И когда мы сидели на любимой завалинке «за воротами, глаза его хотя и были, как всегда, задумчивы, но из них совсем уходило то скорбное и отсутствующее выражение, которое я часто ловила у него во время самых весёлых вечеров и собраний в Москве.

Как-то после возвращения из-за границы он сказал мне: «Зелень там точно какая-то металлическая...» Я вспомнила глянцево-металлический отблеск, которым поразили меня пальмы, листья камелий, — сравнила с ними живой трепет наших берёзок, пышность клёнов, сладость лип — и поняла его.

Я иногда задумывалась над тем, почему он не «воспринял» заграницы; мне кажется, это объяснилось тем, что Чехов прежде всего интересовал живые люди, живая человеческая жизнь; как бы она ни казалась ничтожной, он умел в ней найти и глубину и ширь: точно в маленькое стеклянное отверстие увидеть большую панораму.

За границей он также глубоко наблюдал людей и жизнь и делал верные и меткие обобщения. Он не любил немцев и считал их тупыми и ограниченными и выражался даже очень определённо: «По-моему, немцы подлещи и плохие политико-экономы» (из письма к Суворину).

Москву он любил больше всего. Он говорит о своих героях, что «за границей им было неудобно и неприятно: свою серенькую московскую погоду они считали самой приятной и здоровой» («Три года»). Как и их, его всегда тянуло в Москву.

Он видел и предвидел многое, и устами одного из своих героев сказал, что Москва — это город, который устоит перед любыми испытаниями.

Слова его сбылись. Я не сомневаюсь, что, будь Чехов жив, он разделил бы и мужественно переиёс бы все испытания войны вместе со своей любимой Москвой.

Заразительно весело смеются раненые бойцы, слушая искрящиеся юмором рассказы Чехова. Здесь, в Ялте, где Антон Павлович провёл многие годы своей жизни, восстанавливают свои силы воины Красной Армии.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС)

РОЖДЕНИЕ «ВИШНЕВОГО САДА»

(По новым материалам)

А. Дерман

В октябре 1903 года Чехов кончал в Ялте работу над своей последней пьесой, «Вишнёвый сад». В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, создатели Московского Художественного театра, который существовал всего пять лет, но успел уже завоевать славу главным образом на постановках чеховских пьес, проявляли нетерпение и торопили Антона Павловича. Но Чехов был тяжело болен, работа у него то и дело прерывалась... Кроме того его заморочила к этому времени уже переходила границы всякой строгости. Сообщая в письмах, что пьеса уже совершенно готова и в ближайшие дни будет послана, он принимался заново переделывать те или иные сцены, и конец работы опять отодвигался.

Этот творческий процесс отражается в переписке Чехова с женой, артисткой МХАТ О. Л. Книппер, вместе со всей труппой проявлявшей нетерпение и торопившей автора. 9 октября Антон Павлович сообщил жене: «Переписываю пьесу, скоро кончу, голубчик, клянусь в этом. Как пошла, буду телеграфировать. Уверю тебя, каждый лишний день только на пользу, ибо пьеса становится все лучше и лучше и лица уже ясны. Только вот боюсь, есть места, которые может почеркнуть цензура, это будет ужасно... Родная моя, голуба, дуся, лошадка, не беспокойся, уверяю тебя, всё не так дурно, как ты думаешь, всё благополучно вполне. Клянусь, что пьеса готова, уверяю тебя тысячу раз; если не прислал до сих пор, то потому только, что переписываю слишком медленно и переделываю по обыкновению во время переписки».

12 октября О. Л. Книппер писала в Ялту: ««Вишнёвый сад» ждут с адским нетерпением. Время идёт зря, и ничего не работают и волнуются. Начинать что-либо другое не стоит, т. к. всё-таки скоро надеются приняться за «Вишню», а время-то идёт».

Но дело близилось к концу, и в

А. П. Чехов и А. М. Горький.

А. П. Чехов и А. М. Горький (стоят в последнем ряду) среди артистов Художественного театра. Снимок сделан в Ялте в 1900 году.

тот же самый день, 12 октября, Антон Павлович писал к жене: «Итак, лошадка, да здравствует моё и ваше долготерпение! Пьеса уже окончена, окончательно окончена и завтра вечером, или, самое позднее, 14-го утром будет послана в Москву. Одновременно я пришлю тебе кое-какие примечания. Если понадобятся переделки, то, как мне кажется, очень небольшие. Самое нехорошее в пьесе это то, что я писал её не в один присест, а долго, очень долго, так что должна чувствоваться некоторая тягучесть. Ну, да там увидим... Дуся, как мне трудно было писать пьесу!»

Обещание было выполнено: 14 октября Чехов отправил пьесу по адресу жены в Москву, о чём известил её телеграммой, и в тот же день писал: «Итак, пьеса послана, получишь её вероятно одновременно с этим письмом. Прилагаю конвертик, прочтёшь, когда познакомишься с пьесой. Немедленно, по прочтении телеграфируй. Отдашь Немировичу, скажешь, чтобы и он прислал мне телеграмму, дабы я знал, как и что. Попроси его, чтобы пьеса держалась в секрете, чтобы она не попала до постановки Эфросу и прочим. Не люблю я ненужных разговоров... Я читал, что телеграф попорчен от Москвы до Харькова, моя телеграмма опоздает очень. Завтра сажусь писать рассказ, не спеша. Мне не верится, что я уже не пишу пьесы. Верить ли, два раза переписывал начисто... Если что надумали поставить новое, то пиши мне, роднуля. Всё пиши. Будь здорова, лошадка. Читай пьесу, внимательно читай. В пьесе у меня тоже есть лошадь. Благословляю тебя и обнимаю много раз. Господь с тобой. Твой А.»

Как мы видим из этого письма, сомнение в том, удалась ли ему пьеса, не покидает Чехова и по окончании работы: он

просит жену и Немировича-Данченко сообщить по телеграфу об их впечатлениях; он требует, чтобы с пьесой до её постановки не знакомили представителей прессы.

Тот «конвертик», о котором Чехов говорит в письме, заключал в себе листок с краткой характеристикой персонажей «Вишнёвого сада» и с указанием, кому из актёров МХАТ, по мнению Антона Павловича, подходит та или иная роль. Приводим этот листок целиком:

«1. Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше некому. Она одета не роскошно, но с большим вкусом. Умна, очень добра, рассеяна; ко всем ласкается, всегда улыбается на лице.

2. Аню должна играть непременно молоденькая актриса.

3. Варя — быть может, эту роль возьмёт Мария Петровна (Лилина).

4. Гаев — для Вишневого. Попроси Вишневого, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде, или когда-то играл, а теперь всё позабыл, и в пьесе у меня всё случайно. Потом с Вишневым мы сговоримся, и я впишу всё, что нужно.

5. Лопахин — Станиславский

6. Трифонов-студент — Качалов.

7. Симеонов-Пищик — Грибунин.

8. Шарлотта — знак вопроса. В четвёртом акте я вставлю ещё её слова; вчера у меня очень болел живот, когда я переписывал IV акт, и я не мог вписать ничего нового. Шарлотта в IV акте проделает фокус с калошами Трофимова. Раевская не сыграет. Тут должна быть актриса с юмором.

9. Эпиходов — быть может, не откажется взять Лужский.

10. Фирс — Артём.

11. Яша — Москвин...»

Последующие письма Чехова дают полное основание считать, что у него оставалось ощущение неоконченности пьесы. 17 октября он пишет к жене: «В пьесе кое-что надо переделать и доделать, для этого достаточно, мне кажется, 15 минут. Не доделав IV акт и кое-что надо пошевелить во II, да пожалуй изменить два-три слова в окончании III, а то пожалуй похоже на конец «Дяди Вани». Если пьеса теперь не сгодится, то не падай духом, лошадка, не унывай, через месяц я её так переделаю, что не узнаешь. Ведь я её писал томильно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем». Но уже на другой день Чехов получил от жены телеграмму: «Дивная пьеса. Читала упоенным, слезами. Целую. Благодарю».

«Вишнёвый сад» начал своё триумфальное шествие на сцене театров.

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.

Весна 1879 года. Последние гимназические месяцы. Планы будущей жизни, мечты об университете.

— А куда ты думаешь поступить, Антоша? — спрашивали товарищи-гимназисты Чехова.

Он молчал и затем вдруг выпалил:

— Буду попом!

— Нет, серьёзно, отчего ты скрываешь?

— Попом буду, — упрямо твердил он, и уже больше от него нельзя было добиться никакого ответа.

Чехов-гимназист. Снимок 1875 года.

Находились такие, кто верил Чехову: ведь недаром он был любимцем законоучителя протонерея Покровского, того самого, который окрестил его озорным прозвищем Чехонте. В действительности же Чехов стремился к другому. На вопросы анкеты, куда желает поступить выпускник, он ответил: «В Московский университет по медицинскому факультету».

Второго дня августа 1879 года мещанский староста Иван Внуков «вручил» мещанину города Таганрога Антону Павловичу Чехову отпускной билет. Через несколько дней в подвальном этаже церковного дома Николы Драги, что около Трубной площади, появились таганрогские гости — Антон Чехов с земляками Василием Зембулатовым и Дмитрием Савельевым. Тесно стало в квартире Павла Егоровича Чехова: кроме Зембулатова и Савельева приехал ещё один нахлебник — Коробов. Тесно, но весело, молодо, жизнерадостно. Чехов и его друзья поступили на медицинский факультет. Антон Павлович потом со смехом вспоминал, что в прощании он написал: «по медицинскому факультету».

«Читаем, пишем, шьемся по вечерам, — пишет Чехов брату Александру, — пьем слегка водку, слушаем музыку и песнопения et cetera».

Студент-медик должен был повседневно, упорно работать. А Чехов был не только студентом. «Письмо донского помещика Степана Владимировича Н к учёному соседу другу Фридриху» — первое печатное выступление Чехова — появилось в первый его университетский год.

В годы студенчества Чехов жил и работал за двоих. С утра — через Среднюю, по шумному Охотному ряду, мимо Параскевы-Пятницы — в университет, на лекции, в анатомичку.

Днём — уже не студентом-медиком, а Антошей Чехонте, «Человеком без селезёнки», «Братом моего брата» — по редакциям «Будильников», «Зри-

МОСКОВСКИЙ СТУДЕНТ

В. Болховитинов и В. Вирсн

телей» и «Стрекоз» — устраивать свои «О том, о сём», «Финтифлюшки» и «Перепутанные объявления»; по камерам народных судов, городским управам, дирекциям театров — за новым материалом для «Осколков московской жизни».

Вечером — в многолюдной квартире — штудировать анатомию, готовиться к экзаменам, писать «Скоропостижный конспект смерти», составлять «задачи сумасшедшего математика», — всё это, конечно, если не надо с репортёрским блокнотом спешить на премьеру с Сарой Бернар или на открытие нового трактира купца Егорова.

Один из вечеров молодого Чехова описан его братом Александром в рассказе «Завтра — экзамен», напечатанном в 1883 году в журнале «Развлечение».

«Студент медик 5-го курса Антон Павлович сидел у своего письменного стола и читал курс гигиены. Завтра — экзамен...

— Ну, чорт возьми, — проговорил он, — отмахая как-нибудь этот геркулесовский труд. Времени только мало. Во всяком случае успею, лишь бы только эта саранча не помешала.

Под саранчой он подразумевал маменьку, тёнюшку и прочих домашних. Далее на сцене появляются тёнька, ищущая собачку, маменька с разговорами о грязной сорочке студента, брат-гимназист, пришедший проинтервьюировать Антона по поводу того, как идёт подготовка к экзаменам, сестрица, заводящая умную беседу о «психической субстанции», и, наконец, подвыпивший старший брат за рецептом от комбинированной болезни: печени, лёгких и спины. Антон Павлович собирает свои учебники, едет с загулявшим братом на его квартиру, укладывает его спать, даёт ему для верности бутылку пива, и наконец-то усаживается за лекции.

А вот что пишет сам Чехов:

«Передо мной моя литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате кричит детинный, приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух «Запечатленного Ангела»... Кто-то завёл шкатулку, и

я слышу Елену Прекрасную. Хочется удрать на дачу, но уже час ночи. Постель моя занята приехавшим родственником, который то и дело подходит ко мне и заводит речь о медицине... Кому надоело толковать о медицине, тот заводит речь про литературу».

Писать же надо много и срочно. Павел Егорович, занимавший грошовую должность в амбаре купца Гаврилова, не мог уже содержать семью. Кормильцем семьи, её и материальной и нравственной опорой становился молодой студент Антон Чехов. «Минуты нет свободной. У меня выпускные экзамены». «Не посылал Вам рассказов потому, что окончил свои экзамены только 20 декабря», — такие фразы встречаются чуть ли не в каждом из немногочисленных писем тех лет. Чехов органически не выносил слезливости, хныканья, жалоб на судьбу. Сильно достало от него брату Александру, грешившему по части «жалких слов». С великолепным оптимизмом, весёлой шуткой, встречает Чехов жизненные невзгоды, всеядная бодрость в окружающих. Он находит время, чтобы встретиться со своими друзьями — молодыми художниками Левитаном и Корвинным, — поспорить, попеть, съездить на бал к курсисткам. О том же, чтобы оставить университет, последовать совету некоторых друзей «не гоняться за двумя зайцами и отдалиться целиком литературе», Чехов никогда не помышлял. «Медицина моя идёт crescendo» — гордо писал юноша своему брату. Необычайно высоко ценил он медицинское образование.

Чехов был способным и аккуратным студентом. Он исправно посещает лекции, вовремя сдаёт все экзамены. Но интерес его к науке не исчерпывается штудированием лекций. Он

читает с восхищением Дарвина и Клода Бернара, Спенсера и Бокля. На четвёртом курсе задумывает работу «История полового авторитета», тезисы которой развивает в письме к

брату. Тезисы эти глубокие, оригинальные и могли бы с успехом послужить основой для кандидатской диссертации. Применяя эволюционный метод Дарвина, Чехов разбирает вопрос о взаимоотношениях полов у различных видов животного мира — начиная от простейших организмов и кончая человеком.

Последние два года студенческой жизни он работает над собиранием материалов для научного труда «Врачебное дело в России», делает многочисленные выписки из книг, роется в архивах, использует даже

А. П. Чехов. Снимок 1883 года.

фольклорные материалы. После окончания университета он продолжает работать над рукописью, готовя её как докторскую диссертацию. Литература всё-таки победила — рукопись осталась неоконченной.

В 1884 году университет окончен. На двери квартиры Чехова появляется дощечка: «Врач Антон Павлович Чехов».

Вряд ли кто-нибудь лучше самого Чехова сказал о том, какую пользу принесло ему университетское образование:

«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьёзное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня может понять только тот, кто сам врач... Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже и я старался, где было возможно, соотносить с научными данными, а где невозможно, предпочитал не писать вовсе».

В этой комнате в 1860 году родился Антон Павлович Чехов. Домик-музей Чехова в Таганроге после восстановления снова открыт для экскурсантов.

Фото А. Гаранина

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Иван Фёдоров

Центральный государственный литературный архив располагает большим количеством неопубликованных документальных материалов об А. П. Чехове; среди них немало место занимают мемуары, воспоминания лиц, знавших Чехова, непосредственно встречавшихся с ним в разные периоды жизни писателя, в различной обстановке.

О продолжительном знакомстве с Чеховым как «одном из самых ярких в своей жизни» вспоминает Е. К. Сахарова.

Совсем юной, по окончании Бестужевских курсов (в 1884 году), приехала она в Москву, где и познакомилась с А. П. Чеховым и со всей семьёй Чеховых через свою тётю Л. В. Гамбурцеву.

«Собирались молодёжь. Играли, пели, танцевали. Николай Павлович (брат писателя, художник. — И. Ф.) аккомпанировал романс «Поймёшь ли ты». Антон Павлович, как всегда, любил всякие шутки, остроты, игру слов. В нашем кружке он имел большой успех: все мы, женщины, были от него в восторге; не говоря уже о привлекательности душевной и умственной, он был красив настоящей русской красотой, русский с своими милыми, карими глазами...»

Интересны страницы с описанием рассказа Чехова о своей творческой работе, обязательных, еженедельных «присылах» рассказов в журнал «Осколки» и о том, как он «всегда необыкновенно этим мучился» ввиду необходимости работы и просил: «Дайте мне тему, ради бога, дайте тему!»

Сахарова вспоминает при этом, как Чехов передавал ей однажды в несколько ином виде рассказ «Лошадиная фамилия».

«Так же, как в этом рассказе, действующее лицо никак не может вспомнить фамилию:

— Такая обыкновенная, простая фамилия, так и вертится на языке. Ах ты, господи, ну, птица ещё такая... птичья фамилия...

Его собеседник начинает перечислять всех птиц.

— Соколов, Воробьёв, Петухов, Силицын, Чижов.

— Нет, нет, не то, не то... — и, наконец, вспоминает:

— Вербицкий, Вербицкий!.. насылу вспомнил.

— Позвольте, но ведь вы говорили, что фамилия птичья.

— Ну, да, конечно, ведь птица же садится на вербу».

Много раз Чехов уговаривал и самую Сахарову приняться за литературу, писать рассказы, являть

А. П. Чехов. Снимок 1889 года, подаренный Чеховым П. И. Чайковскому с собственноручной надписью писателя.

хотя бы с переводов, заметок в газеты, обещая при этом всяческое своё содействие и руководство и указывая на пример М. В. Киселёвой, которая в то время сотрудничала в одном из детских журналов. «Но это мной не воспринималось, хотя впоследствии мне пришлось действительно работать в провинции, давая театральные заметки».

В своих воспоминаниях о Чехове Сахарова говорит, что многое в его произведениях напоминало ей привычки, обиход семьи Чеховых или же какие-либо слова и мысли самого Антона Павловича (в «Дяде Ване», «Чайке»). Она вспоминает, как Антон Павлович «всегда мне говорил и поучал меня, вероятно, предполагая, что я всё же когда-нибудь увлекусь писательской деятельностью; чтобы я обращала внимание на всё характерное в жизни и речах меня окружающих, записывала бы всё, что мне когда-нибудь пригодится. Он просил, если мне будут попадаться какие-нибудь своеобразные письма, записки, происшествия, чтобы я их передавала ему. Действительно, некоторое время спустя я передала случайно попавшее ко мне очень интересное, несколько мне помнится, пре-

тенциозное по выражениям и языку, письмо довольно малограмотного парикмахера. Чехов был очень доволен, говоря, что когда-нибудь, при подходящих обстоятельствах, непременно пустит в дело. Уговаривал меня писать дневники, делать записи, слушая мои рассказы о Бестужевских курсах, где в моё время читали нам лекции такие светила, как Менделеев, Бекетов, на словесном факультете — Бестужев-Рюмин, Влад. Соловьёв, Градовский, О. Миллер и другие. Просил запечатлевать о моих встречах со многими выдающимися людьми того времени...»

О знакомстве и встречах с Чеховым в 1886 году в Бабкине, затем в Звенигороде и Москве, об интересе Чехова к деятельности судопроизводства вообще и хорошем знакомстве его с судебной процедурой вспоминает Н. П. Серповский, судебный следователь. Он говорит: больше всего Чехова «занимали судебные казусы, где ярко подчёркивались смешные стороны быта».

Неистощимый на разные «шутки», Чехов воспроизводится Серповским в роли прокурора в инсценированном суде над Николаем Чеховым, обвинявшимся в нарушении «питейного» устава.

Антон Павлович «задавал подсудимому и свидетелям беспрерывно самые неожиданные вопросы, вызывавшие гомерический хохот у всех — и судей, и свидетелей, и публики, случайно попавшей в зал».

— А кто, по вашему, более любил Татьяну — Гремлин или Онегин?

— А чем была вызвана Троянская война?»

Говоря о посещениях Чехова в Хамовниках, в Крыму, С. Л. Толстой вспоминает последнюю встречу с писателем в феврале 1904 года, когда началась русско-японская война. «Вид его был очень болезненный». Попутно вспоминает и об отношении своего отца, Льва Николаевича, к Чехову: «Он много читал Чехова, и я помню его отзывы о некоторых рассказах... Помню, что «Палата № 6» и «Чёрный монах» произвели на него сильное впечатление, что он заразительно смеялся, читая вслух «Налима», «Лошадиную фамилию»; «Душечку» он читал своим гостям три раза, как известно, поместил этот рассказ в «Круг чтения». В общем он говорил, что Чехов — большой художник, что им выработана своеобразная новая литературная форма, что сам он не сумел бы так написать, как Чехов, и понятия его ценят не только в России, но и за границей...»

Мемуары, хранящиеся в Литературном архиве, представляют несомненный интерес не только для исследователя, но и для широкого круга читателей.

«Кончается четвёртый десяток лет со дня его смерти», — говорит в своих воспоминаниях писатель Н. Д. Телешов, друг Антона Павловича, — а имя Чехова не бледнеет. Оно становится всё более и более славным, и не только на родине, среди нас, но и во всём культурном мире».

ЧЕХОВ В АНГЛИИ

Нора Уой

Чеховская Россия, Россия конца прошлого столетия, была до недавнего времени неведома широкой английской публике.

Серьёзное изучение драматургического наследия Чехова, получившего в Англии высокую оценку, началось в двадцатых годах. «Лирический театр» первый приступил к постановке его драм. В 1926 году группа актёров начала пропагандировать Чехова в нашей стране. С того времени начался рост популярности Чехова в английском обществе. Его пьесы ставят не только в больших театрах западных кварталов Лондона: его имя встречается в программах театральных предприятий и любительских кружков по всей Англии.

Лучшим чеховским спектаклем в Англии следует признать постановку Мишелем С. Дени «Трёх сестёр» (в 1936 году).

«Дядя Ваня» — одна из любимейших англичанами пьес. Ставят её во многих театрах. Распространено мнение, что англичане подмечают у Чехова лишь меланхолические ноты. Поставивший эту пьесу Вестминстерский театр показал многообразие чеховского юмора.

Чехов занимает прочное место на английской сцене. Его полюбили и английские актёры и английские зрители.

Сцена из пьесы Чехова «Три сестры» в постановке Лондонского театра.

СТИХИ О ГОРОДЕ-ГЕРОЕ

Ольга Берггольц рассказывала в своей «Ленинградской поэме» о шофёре, который в страшные дни блокады вёз хлеб в город по единственной дороге, соединяющей Ленинград с остальным миром. «Дорогой жизни» звали эту дорогу Заседа мотор. «Ремонт на пять минут — пустяк», но шофёр не может разогнуть замёрзших рук.

«И вот в бензине руки он
Смочил, поджёт их от
мотора,
И быстро двинулся
ремонт
В пылающих руках
шофёра».

Подвиг! Он встаёт, реальный, убедительный в каждой из шести глав «Ленинградской поэмы», и все стихи только что вышедшего сборника Берггольц («Ленинград». «Советский писатель», 1944) сливаются в одну большую героическую поэму о мужестве и человечности. Чувство глубокой дружбы, поддерживающее людей в эти суровые дни, — вот лейтмотив всей книги. Люди Ленинграда познали, что значит истинная человечность, познали счастье делиться «последней копейкой», «последней щепоткой табака»...

Ольга Берггольц пробыла в Ленинграде все эти годы, ни на минуту не прерывая своей литературной работы, и то же время принимая деятельное участие в обороне города.

Только тот, кто пережил всё это сам, мог увидеть детали, описанные ею в «Февральском дневнике» 1942 го-

Ольга Берггольц.

да: город, убранный в «дремучий иней», детские санки, на которых возили «дрова и скарб, умерших и больных».

В стихотворении «Дорога на фронт» дан незабываемый по чёткости рисунок:

«...река, лачуга, ветер
жёсткий,
Челны рыбацьи, дальний
горизонт,
Землянка у газетного
киоска,
Наш ленинградский
неприступный фронт».

Ольга Берггольц рисует живые, убедительные образы людей в таких стихах, как «Разговор с соседкой», «Сестре», «Песня о желе патриота», и многих других.

Глубоким содержанием своих стихов, простым, выразительным языком она оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. Ольга Берггольц знает секрет этой простоты. Одной лаконичной фразой она охватывает широкое явление. Так, обращаясь к лопате, «верной сестре земли», она говорит:

«Какой мы путь немислимый с тобой
От баррикад до кладбища
прошли».

Она умеет бережно и многогласно передать движение сердца, волнующее воспоминание:

«Я шла на фронт сквозь
детство, той дорогой,
Которой в школу бегала
давно».

И сразу возникает в представлении читателя город-

фронт, в котором каждый чувствует себя бойцом, защитником.

Об этом выразительно говорит одно из самых сильных стихотворений сборника — «Второе письмо на Каму». Ленинградец пишет

письмо в тыл. Письмо остаётся незаконченным. Вместо него послана телеграмма: «Живы, выдержим, победим!»

Весь сборник Берггольц звучит как осуществление этой клятвы.

Л. БАТЬ

КАЗАХСКИЙ АНСАМБЛЬ

Народная артистка Казахской ССР Шара.

Плавный казахский танец, раздольные движения русской пляски, тонкие, темпераментные переходы узбекского танца, украинские, киргизские, татарские, белорусские песни и пляски — такова программа выступлений народной артистки Казахской ССР Шара. Шара — первая казахская киноактриса. Она снималась в фильмах «Амангельды» и «Под звуки домра».

Музыкальный ансамбль, руководимый ею, был организован в 1940 году — к двадцатилетию Казахской ССР. Всего ансамбль провёл 460 концертов, из них 400 — за время войны.

Ансамбль три месяца выступал на фронте и своим искусством вдохновлял бойцов и офицеров на новые подвиги.

А. К.

УКРАИНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА

История украинской музыки начинается с деятельности композиторов середины прошлого столетия, не обладавших композиторской техникой, но желавших в своём творчестве приблизиться к стилю народной песни. Из них наиболее значительный — Артемьевский, автор известной оперы «Запорожец за Дунаем» (1863). Выделяются ещё Аркас — автор оперы «Катерина» по поэме Тараса Шевчен-

ко; Нищинский, написавший известные «Вечорицы»; Заремба, Дривченко и в Западной Украине — Вербицкий, Лавровский и Вахнянин — автор оперы «Купала».

Но только Николай Витальевич Лысенко (1842—1912) вывел украинскую музыку на широкую арену. Он для украинской музыкальной культуры был тем же, чем для русской музыки Глинка, для чешской — Сметана, для польской — Шопен. Лысенко создал большое количество произведений в различных жанрах. Среди них свыше десятка опер (в том числе монументальная — «Тарас Бульба» и «Наталка-Полтавка»), более сотни романсов и песен (преимущественно на стихи из «Кобзаря» Шевченко), около пятидесяти фортепьянных пьес и т. д. В этих произведениях Лысенко сохранил стиль украинской народной песни, её мягкий, лирический характер. Всю свою жизнь он посвятил украинской народной музыке и, помимо творческой работы над оригинальными произведениями, записал и обработал большое количество (более 300) народных песен и опубликовал много теоретических статей о структуре и истории украинской песни.

За Лысенко на Украине появились композиторы, культивировавшие его стиль. Из них наиболее яркие: Н. Д. Леонтович (1877—1921), которого на-

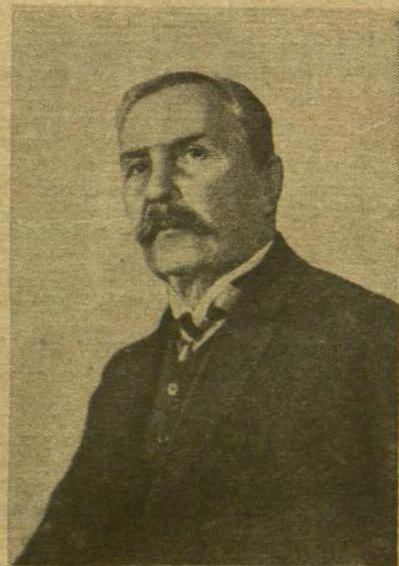
зывают «украинским Лядовым» благодаря его большому мастерству в области музыкальной миниатюры, Степовой (Я. С. Якименко), так же как и Лысенко, ученик Н. А. Римского-Корсакова, лирик, склонный к эгегическим звучаниям. Он оставил много романсов и песен и некоторое количество фортепьянных миниатюр. Выделяется также ученик Лысенко К. Г. Стеценко, умерший в 1912 году, написавший музыку к «Гайдамакам» Шевченко и много вокальных произведений.

Творчество этих композиторов — основа, на которой теперь выросла богатейшая советская музыкальная культура Украины. Можно с полным основанием применить к этому периоду украинского музыкального творчества термин «классический». В частности творчество Лысенко является для Украины несомненной классикой.

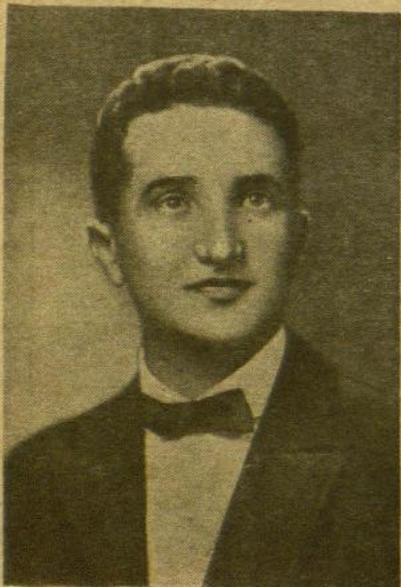
Музыка украинских композиторов приобретает всё большую и большую популярность за пределами Украины и всего Советского Союза. Значительным явлением в музыкальной жизни Москвы следует признать концерт артиста московского Большого театра СССР Ивана Назаренко. Из исполненных артистом произведений Лысенко, Степового, Стеценко, Аркаса

особенно яркое впечатление произвела дума «Ой, криче ворон сизокрилий» из оперы «Тарас Бульба». Украинские думы — эпическая форма фольклора — имеют многовековую историю и представляют собой одну из наиболее интересных сторон народного творчества и исполнительского искусства.

Заслуженный деятель искусств
Климентий КОРЧМАРЕВ

Н. В. Лысенко.

Иван Назаренко.

ОГОНЬ ПО ВРАГУ

Каждое воскресенье диктор Новосибирского радиокомитета объявляет:

«6 часов 30 минут вечера. Слушайте очередную радиопередачу «Огонь по врагу». У микрофона боевые разведчики Кузьма Ветерков и Илья Шмельков».

Артисты Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина и Новосибирского радиокомитета орденосцы К. Адашевский (Кузьма Ветерков) и А. Борисов (Илья Шмельков) и баянист И. Малагин за время Отечественной войны создали популярную литературно-музыкальную передачу «Огонь по врагу».

Боевые разведчики Кузьма Ветерков и Илья Шмельков рассказывают радиослушателям о боевых делах — героических буднях на фронтах Отечественной вой-

ны. Большую помощь в литературно-художественном оформлении передач оказали артистам редактор и автор Галина Карпенко и режиссёр В. П. Лебедев.

Эту радиопередачу слушают и в Новосибирске, и в Хабаровске, на Мысе Надежды, и на острове Диксон. Рядовой, сержантский и офицерский состав Красной Армии, школьники и учителя, рабочие и колхозники сердечно благодарят в письмах за радиопередачи «Огонь по врагу», просят прислать тексты песен и музыку из этих передач.

Сотни выступлений провела бригада артистов «Огонь по врагу» за время Отечественной войны в шахтах Кузбасса, в воинских частях, в госпиталях.

А. Крупнов

Литература и Искусство

МАСТЕР СЛОВА

Исполнилось двадцать лет сценической деятельности одного из крупнейших мастеров художественного слова — заслуженного артиста республики С. М. Балашова.

С самого начала войны артист едет на фронт, где выступает в землянках и блиндажах, отсеках кораблей Северного флота.

Балашов — чтец с яркой артистической индивидуальностью.

С первого же выхода на эстраду ему удаётся

найти тот необходимый контакт между зрительным залом и сценой, который делает выступления артистов доходчивыми и понятными. Балашов обладает основным качеством чтеца: большой сценической выразительностью и простотой. Одна из основных тем в творчестве артиста — показ роста нового, и эта тема неразрывно связана у него с темой героизма людей, работающих на фронте труда или сражающихся на фронтах войны.

В. Ш.

ВЫСТАВКА КАРТИН ПЕНЗЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

В Пензе открылась выставка картин Союза советских художников. Большой интерес представляют выставленные там работы заслуженного деятеля искусств Ивана Силыча Горюшкина-Сорокопудова.

Горюшкин-Сорокопудов принадлежит к старшему поколению русских художников. Ему пошёл восьмой десяток. Любимый ученик и друг И. Е. Репина, Иван Силыч известен как знаток русской старины — бытописатель Руси Великой. Им создано до 460 различных полотен, находящихся в музеях СССР, Западной Европы, Америки или хранящихся в его собственной коллекции.

На выставке экспонирова-

на лишь небольшая часть его работ, но и по ним можно судить о необычайной силе и разнообразии творчества художника: здесь и портрет, и историческая живопись, и жанр.

Особенное внимание привлекают его работы: портреты скульптора Клодта, жены художника, художника Сычкова.

С особенной любовью и теплотой написаны картины быта древней Руси: «Базарный день в старом городе» (Ростов Великий) и «Из культа прошлого».

Очень хороши также деревенские пейзажи, написанные им в родной Ивановке, близ Пензы.

Но лучшие работы худож-

И. С. Горюшкин-Сорокопудов на выставке в группе учеников художественного училища.

ника не экспонированы на выставке. Здесь нет его любимой картины «Плач Ярославны». В 1904 году на выставке в салоне Общества поощрения художеств эта

картина получила первую премию. Спустя десять лет, уже в Ивановке, Иван Силыч написал новый вариант картины и повёз её на Всемирную выставку в Рим. Там она и осталась в одном из музеев.

Нет здесь и монументальных полотен художника, написанных в довоенные годы: «По следам белых» (Музей Революции), «Портрет матери» (Третьяковская галерея).

В прошлом году правительство отметило сорокалетний юбилей творческой деятельности Горюшкина-Сорокопудова, наградив его орденом Трудового красного знамени.

Заслуживают внимания работы остальных участников выставки: А. Г. Вавилина «В рабство», А. М. Иосифова «Автопортрет» и А. И. Постнова «Вторая военная весна».

Эмоционально выразительны скульптурные группы

И. С. Горюшкин-Сорокопудов. «Женщина с ребёнком».

Отрадно отметить, что эта выставка по сравнению с предыдущими художественными выставками в Пензе наиболее удачна. В ней приняло участие тринадцать художников, выставивших сто шестнадцать своих работ.

С. Лисецкий

И. С. Горюшкин-Сорокопудов. «Плач Ярославны».

ГРИГОРИЙ СИЛЫЧ КАРЕЛИН

Л. Русанова

Прапорщик Григорий Карелин поднимался по лестнице, ведущей в канцелярию, стараясь перешагнуть сразу через две ступени. Прапорщику было двадцать лет. В графской канцелярии его любили, сам всеильный временщик проявлял признаки явного внимания к нему — масса прищип для чудесного настроения.

В вестибюле навстречу Карелину поднялся заждавшийся его фельдъегерь:

— Прапорщик Карелин? Соболаговите спуститься вниз. По приказанию его сиятельства я буду сопутствовать вам.

У подъезда стояла курьерская тройка. Карелин видел её, когда пришёл во дворец, и даже спросил кучера, кого привёз. Но кучер оказался неразговорчивым и пробормотал что-то вроде «Не могу знать».

...Третьи сутки мчалась тройка на восток. На коротких стоянках едва успевали перепрягать лошадей: спутник Карелина явно торопился. На все вопросы юноши, сообщившего, наконец, что это не деловая поездка, что он впал в немилость, что его изгоняют из Петербурга, мрачный фельдъегерь отвечал только, что действует по приказанию «его сиятельства графа».

Чем он мог разгневать Аракчеева? Только за день до этого страшного утра «благодетель» похвалил его работу — карту военного поселения. «Ценю твои способности и изрядный почерк», — сказал он, разглядывая карту.

Карелин снова — в который раз — пытался разжалобить фельдъегеря. Он много говорил, стараясь вспомнить все смешные истории, какие знал, даже спел какие-то куплеты, тщетно стараясь прошибить страшную стену молчания.

— Про отца моего Силу Карелина не изволили слышать?

Фельдъегерь только помотал головой.
— Нет? Он был придворным капельмейстером государыни Екатерины. Искусству этому научился в Италии. Это он ввёл в России роговую музыку. Мне было восемь лет, когда батюшка умер, а мать наша скончалась раньше...

Продолжать было бессмысленно: фельдъегерь спал.

На какой день они приехали в Оренбург, Карелин не знал, потому что он уже на шестые сутки так приуныл, что сбился со счёта. К концу тяжёлого путешествия Карелин твёрдо решил, что причина немилости Аракчеева могла быть одна — картинка, нарисованная им, картинка, исчезновение которой он тогда сразу обнаружил.

В тот год Аракчеев придумал себе новый герб с девизом «Без лести предан». В Петербурге, не найдя Аракчеева, это послужило поводом к огромному количеству эпиграмм, шуток, злых каламбуров и насмешливых куплетов. В собственной «его сиятельства» канцелярии, где служил Карелин, новый герб тоже стал предметом острот, правда, передаваемых шопотом, потому что рука временщика была тяжела на расправу. И вот как-то совсем недавно Карелин нарисовал на клочке бумаги чортика, затянутого в военный мундир с нимбом из надписи: «Без лести предан!» Карикатура вызвала шумный восторг сослуживцев.

Но куда мог исчезнуть рисунок? Теперь ясно: кто-то донёс Аракчееву.

II

В небольшой гарнизон Оренбургской крепости сильный офицер был зачислен прапорщиком артиллерии. Карелин начал свою службу в чужом городе, не имея ни одежды, ни белья, ни обуви, ни денег.

— Где ваш багаж? — спросили его в канцелярии гарнизона.

— Вот он, — сказал, вытаскивая носовой платок из кармана сюртука и размахивая им, прапорщик Карелин, не утративший в беде столь свойственного ему чувства юмора.

Сколько молодых людей на месте Карелина, попав из блистательного Петербурга в глушь, повергнутые в столь внезапную и жестокую опалу, опустились бы или спились. Этого и ждали от нового прапорщика немногочисленные офицеры оренбургского гарнизона. Но их ожидания не сбылись. Карелин исправно пёс несложную и одиозную службу. Избыток свободного времени он использовал для занятий естественной историей, много читал, совершал далёкие прогулки, с которыми возвращался нагруженный образцами пород,

насекомыми в ящичках и баночках, охапками растений.

Меньше чем через год со дня зачисления в гарнизон Оренбургской крепости Карелин получил одно за другим несколько почётных и интересных заданий. Он сопровождал археолога Свинына до границ Сибири и хотя был фактически приставлен к нему конвоиром, но стал помощником этого известного учёного. Ещё через год Карелин вошёл в состав экспедиции в Киргизскую степь для исследования древних монгольских памятников.

Григорий Силыч Карелин.

В 1824 году Карелину поручили изыскание лучшего маршрута и составление карты пути от Оренбурга до Симбирска для предстоящего проезда Александра I на восток России. Были в этот период поручения и менее интересные, но свидетельствующие о том, что труды Карелина снискали ему известность и признание. Так например прапорщик артиллерии ездил в Башкирию отыскивать горный хрусталь, дымчатый топаз и яшму для двора.

Служба по гарнизону числилась теперь только в послужном списке Карелина. Никто и не пытался затруднить его геолога, ботаника, зоолога и топографа, к чьим услугам так часто прибегали власти степного края. Воспользовавшись случайным педомоганием, Карелин попросил начальство гарнизона об отставке с военной службы. Его просьба была тотчас же удовлетворена.

Губернаторы Степного края часто вызывали Карелина для разнообразнейших поручений. Выполняя их, Карелин изучал течение рек и направление горных хребтов, собирал «предметы и произведения природы», определял астрономические пункты.

В 1832 году Карелину поручили обследовать северо-восточные берега Каспийского моря. Предстояло большое, длительное морское путешествие в неизведанные края.

III

О многообразии знаний, наклонностей и способностей Карелина свидетельствует простой перечень материалов, сданных им по возвращении из экспедиции. Здесь были астрономические и магнитные наблюдения, заметки об обмелении устья Урала и всего Каспийского моря, сообщение о морских разбойниках, пиратствующих в северной части Каспийского моря, замечания о тюленевом промысле и об уральском морском рыболовстве и многое другое. К отчёту были приложены 12

карт — северо-восточных берегов Каспия, заливов и устьев рек, островов, Индерского солёного озера и подъёма на Усть-урт.

В официальном отчёте Карелин писал о необходимости построить военное укрепление в Кай-

данском заливе Каспия, на Утёсе Кзыл-таш. Его предложение было принято. Карелин получил приказ приступить к строительству задуманного им форта.

Крепость Ново-Александровск (теперь форт Урицкого) была выстроена в 80 дней. Провожаемый пушечным салютом, Карелин с грустью покидал маленький гарнизон Ново-Александровска.

Карелин возвратился в Оренбург к семье с твёрдым намерением зажить прочной, «соседлой» жизнью. «Теперь меня калачом из дому не выманишь, напутешествовался — блудный отец», — говорил он как-то утром после очередного рассказа домочадцам о дорожных приключениях. В этот день Карелин случайно узнал, что продовольствие, закупленное в Астрахани для гарнизона Ново-Александровска и отправленное на двух судах, не дошло до форта. Суда зазимовали в устье Урала. Гарнизон был обречён на длительный голод.

Через три дня Карелин мчался на переключных в Гурьев. Наняв там сотню саней и верблюдов, он погрузил на них продовольствие и повёз его по торосившему прибрежному льду Каспийского моря в Ново-Александровск.

Крепость была уже видна, когда лёд проломился. Один из верблюдов, навьюченный пушкой, и сани, в которых ехал Карелин, внезапно погрузились в воду. Карелин выплыл, но не уходя от полыньи, пока с морского дна не были выловлены все затонувшие вещи.

Транспорт прибыл в крепость без потерь.

IV

Путешествуя по Каспию, Карелин посетил Астрабадский залив Ирана, уединённый хребет Большие Балханы, острова Челекен и Огурчинский. В 1836 году Карелин вернулся в Оренбург. Дочь Карелина так вспоминает горячие дни работы над отчётом об этой экспедиции. Четыре человека сидели в разных концах комнат у письменных столов. Карелин ходил взад и вперёд мимо каждого, диктуя одновременно четыре различных донесения. Один писал о рыболовстве, другой — заметки географические, третий — о туркменах, четвёртый — о торговых сношениях с Азией через Каспийское море, и, наконец, жена Карелина писала отчёт по естественной истории.

В последующие годы в жизни Карелина было два знаменательных происшествия: он установил связь с Московским обществом испытателей природы, членом которого состоял уже 10 лет, и примерно в это же время встретил человека, ставшего его верным спутником во всех странствиях.

Карелин и Кирилов путешествовали два года по Сибири по поручению Общества испытателей природы. Исследуя природные богатства Южного Алтая и Джунгарии, Карелин и Кирилов отправляли каждые два месяца отчёты и собранные коллекции в Москву: «Растений до 7-го июня собрано до 400 видов, кроме уже посланных. Собрано много насекомых, птиц, зверей, минералов и 2 совсем новые породы рыб», — читаем мы в донесении Карелина.

В 1842 году умер Кирилов. Карелин тяжело переживал эту утрату. Ещё одна беда постигла Карелина: его не взлюбил генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков. Пустив в ход все доступные ему средства, Горчаков добился административной высылки Карелина из Сибири.

Предполагалось, что перенесший два таких удара, постаревший и усталый Карелин вернётся, наконец, в «лоно семьи». Но Карелин недолго прожил в Москве. Он добился разрешения совершить «небольшую поездку» в уральские степи и к северному побережью Каспийского моря.

Карелин прочно поселился на берегу Каспия. Он прожил почти двадцать лет в Гурьеве, подготовляя к печати 11 томов своих путешествий. Когда эта гигантская работа почти была завершена, рукописи сгорели во время большого пожара в Гурьеве. Одноэтажный деревянный домик Карелина вспыхнул так быстро, что ничего спасти не удалось. Самого путешественника, больного, разбитого параличом, едва успели вынести.

Карелин не перенёс этого удара. Он умер в городе, где каждый человек знал его и гордился бесстрашным исследователем.

НА ФРАНЦУЗСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Гитлеровской Бастилии, в которую немецкие оккупанты заточили четыре года назад французский народ, приходит конец. Грохоту орудий на нормандском побережье повсеместно вторят выстрелы и взрывы в Париже, в Бретани, в Савойе, в департаменте Аллье, где находится «столица» предателей — Виши.

В момент вторжения союзников силы французского внутреннего фронта насчитывали десятки тысяч бойцов — вольных стрелков (франкитиров) и партизан. Сейчас их число возросло и продолжает расти. Не дожидаясь приказа о мобилизации, широким потоком хлынули в отряды народных мстителей крестьяне и рабочие, учителя, почальоны, студенческая молодёжь, служащие, требуя лишь одного: оружия и командиров.

Силы внутреннего фронта (ФФИ) объявлены частью французской армии. Их бойцам и командирам предоставлены все права военнослужащих. Во главе этих вооружённых сил стоит генерал Кениг, один из участников африканской кампании, руководитель французских войск в сражении при Бир-Хакейме и в боях за освобождение Туниса.

Если линия фронта в Нормандии может быть очерчена непрерывным рядом флажков, то очаги боёв, происходящих на остальной территории Франции, рассеяны по всей стране. Французские патриоты держат гитлеровское командование в постоянном напряжении, заставляя немцев метаться из стороны в сторону.

Внезапность и разнообразие методов борьбы составляют основу тактики войск генерала Кенига. Небольшие группы вольных стрелков наносят врагу короткие, но ощутительные удары, перерезая коммуникации немцев, совершая налёты на их посты и казармы, пуская «красного петуха» в их склады. Крупные партизанские отряды занимают города, истребляют немецкие гарнизоны, разрушают предприятия, работающие на оккупантов, захватывают пленных. Когда становится известным, что противник перебрасывает в занятый партизанами город большие, превосходящие силы, партизаны покидают его с тем, чтобы нанести удар в другом, неожиданном для немцев пункте. Так было в департаменте Изер, где патриоты овладели городом Морестель; в департаменте Верхних Пиренеев, где они несколько дней были хозяевами в городе Тарб; то же повторилось в городах Суйак и Гурдон в департаменте Ло; в Эгюзоне (Эндр) была выведена из строя крупнейшая электростанция, в результате чего лишились электроэнергии города Шавиньи, Бурж, Лангр, Шомон, Шале.

Кадры армии внутреннего фронта стали формироваться уже в первые месяцы после немецкого вторжения. Сначала это были главным образом группы вольных стрелков. Днём эти патриоты производили впечатление мирных, ничем не отличавшихся от остального населения людей. По вечерам они брались за револьверы, за динамит. Они закладывали мины на рельсах, бесшумно снимали немецких часовых. Иной велосипедист, проезжавший в сумерках по Парижу или Лиону, соскакивал на тротуар, выпускал несколько пуль в немецкого офицера или лавалезца и успевал убраться от преследователей; порой воздух сотрясал взрыв немецкой казармы; внезапным налётом горсточке патриотов удавалось освободить из тюрьмы заключённых заложников.

В те же месяцы стали возникать первые партизанские отряды. Небольшие по своей численности, они сеяли тревогу и смутнение среди врагов. Таков был отряд шахтёров Севера, во главе которых встал Шарль Дебарж, муниципальный советник города Арраса; отряд имени казнённого немцами вожда железнодорожников Пьера Семара; отряд эльзасских юношей, руководимый юным героем Марселем Вейнемом; отряд имени Ги Мокэ (расстрелянного немцами 17-летнего заложника); отряд имени майора Рейналя (одного из героев обороны Вердена в первую мировую войну).

Партизаны прибыли на грузовиках в городок Ойоннакс...

Всё население высыпало на улицы, приветствуя бойцов «маки».

Делегация от партизан возложила венок на могилу Неизвестного солдата.

Партизанское движение стало массовым с весны 1942 года, после того как в Верхней Савойе, в Юре и во многих других местах возникли партизанские лагеря — «маки».

* * *

«Маки», воспетые Проспером Меримэ и Мопассаном, — это густые лесные заросли в горах Корсики. Сюда испокон века в недоступные для карательных отрядов, для полицейских ищек места, уходили люди, вступавшие в конфликт с властью. Здесь укрывалась корсиканская воляница, причинявшая множество хлопот Генуе. Будучи не в состоянии справиться с мятежным островом, она уступила его Людовику XV. В «маки» — на корсиканском наречии «макиа» — находили прибежище повстанческие отряды Паоли, пока, наконец, в 1796 году Корсика окончательно не стала частью французской территории.

С вторжением итало-немецких оккупантов на Корсику вновь ожили вольнолюбивые традиции «маки». Изгнав, — с помощью прибывших из Алжира французских войск, — немцев с освобождённого острова, обитатели «маки» вернулись в свои сёла и города.

Но их боевой, неукротимый пыл, их опыт стали достоянием остальных оккупированных департаментов Франции. Повсюду возникли «маки».

Сначала это были лагеря «рефрактеров» (уклоняющихся) — молодёжи, которая предпочла бежать в леса и горы, нежели попасться в лапы гитлеро-лавалевских вербовщиков и подвергнуться насильственной отправке на немецкую каторгу. «Рефрактеры» в основном состояли из пассивных элементов. Уходя в «маки», они рассчитывали отсидеться там до наступления лучших времён, до прихода союзников и деголлевских войск, чтобы после изгнания врага оставить свои невольные лагеря и вернуться к обычной жизни. Но террор оккупантов, предпринимавших сообщения с вишийской жандармерией, прочёсывание районов, в которых группировались «рефрактеры», беспощадная расправа карателей с захваченной ими молодёжью толкнули последнюю на путь активной партизанской борьбы. Дух «атлантизма» (выжидания), развеявшийся в ожесточённых и упорных боях, уступил место героическому воодушевлению. «Рефрактеры» превратились в народных мстителей. «Маки» стали центрами партизанского движения, местом формирования и военного обучения французских патриотов под руководством офицеров и унтер-офицеров — участников первой и второй мировых войн.

Огромное влияние на преобразование «маки», как и на весь французский народ, оказали радостные вести о поражениях немцев на советско-германском фронте.

* * *

На помещённых здесь фотоснимках отображён эпизод борьбы одного из партизанских отрядов, расположившегося в горах «где-то» в департаменте Эн. Эн граничит на северо-востоке со Швейцарией, на востоке — с Савойей и Верхней Савойей, от которых он отделён рекой Роной. Горы Юры террасами спускаются сюда, в болотистые равнины Бресс и Домб. Быстрые реки, зажатые среди нагромождений известняка, густые леса, торфяники образуют ландшафт местности. Зима здесь, в особенности в горных районах, суровая. Снег держится с октября до апреля.

Маленький городок Ойоннакс, затерявшийся в лесах северозападной части департамента Эн, неожиданно приобрёл широкую известность. Сюда ворвались бойцы «маки», внезапно прибывшие с гор. Они захватили почту и полицейское управление; городок оказался изолированным от внешнего мира.

Всё население Ойоннакса высыпало на улицы, приветствуя прибывших бойцов. После митинга на городской площади они с пением «Марсельезы» прошли по городу и возложили венок на могилу Неизвестного солдата. В продолжение нескольких часов Ойоннакс был во власти партизан.

Л. Волинский

ДЕНЬ НА СТАДИОНЕ «ДИНАМО»

НАУКА И ТЕХНИКА

ИСКУССТВЕННЫЙ САПФИР

Если бы алхимик средневековья попал в лабораторию высокого давления Института минерального сырья, он был бы поражен. Он воочию убедился бы, что его многие замыслы здесь претворяются в жизнь.

Ему показали бы, как из белой соли глинозёма добывают прекрасные сверкающие кристаллы. В течение нескольких часов мелко истолченный порошок подвергают воздействию высокой температуры. Насыпанный на особую огнестойкую подставку, этот порошок спекается.

Когда гасится и остывает печь, оттуда достают прозрачную, сидящую на коротенькой ножке грушу длиной в 2—3 сантиметра. Это искусственный сапфир — драгоценный камень небесно-голубого цвета. Ограниченный ювелиром, он неотличим от природного.

Природный сапфир — это чудесный камень красивого синего цвета; синтетический, то есть изготовленный в химической лаборатории, бывает разных окрасок.

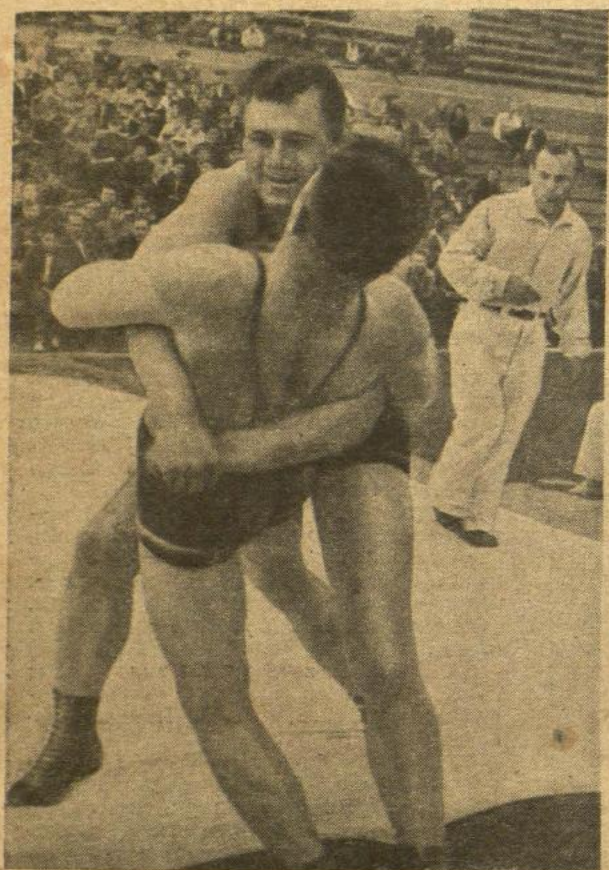
Наибольший интерес представляет белый, или бесцветный, камень, так называемый лейко-сапфир. После гранения он походит на алмаз и почти не уступает ему в «игре».

— Все разновидности синтетического сапфира, — говорит руководитель лаборатории высокого давления профессор Сыромятников, — не уступающие по своему качеству и величине лучшим иностранным образцам, сделаны в нашей лаборатории. Мы нашли оригинальные методы изготовления, самостоятельно разработали схему технологического процесса и внедрили в производство.

Создать крупные кристаллы сапфира совершенно белого цвета было исключительно трудно и сложно. Главную роль играет чистота исходного сырья. Ничтожно малая примесь некоторых веществ, составляющая тысячные и даже десятитысячные доли процента, может отрицательно повлиять на весь процесс, ухудшить свойства кристалла.

Лейко-сапфир — маленький, неприметный, но важный «винтик» современной техники. Всякий измерительный или контрольный прибор, снабженный стрелкой, имеет сапфировые детали — так называемые подпятники. Без них не может обойтись совершенный механизм: самолёты, танки, морские суда и подводные лодки.

К. Марев

Трибуны московского стадиона «Динамо» переполнены. Тысячи москвичей собрались на большой спортивный праздник. С интересом следили зрители за схваткой на ковре между лучшими борцами страны во время розыгрыша первенства СССР по борьбе. На поле вышли футболисты — команды мастеров «Динамо» и «Торпедо». На верхнем снимке, справа: момент игры у ворот «Динамо». Вратарь Кочетов пропускает мяч в ворота. В забеге на 1500 метров для мужчин новый Всесоюзный рекорд поставил А. Пугачевский (на снимке справа, бежит первым).

Общий вид стадиона «Динамо» во время футбольного матча «Динамо» — «Торпедо».

Фото М. и Н. Волковых.

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 5211.

2¼ печ. л.

Подписано к печати 26/VII—44 г. Изд. № 442.

Тираж 100.000.

Зак. 1500.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Под редакцией мастера СССР.
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 16

Игрена в финале первенства
СССР по шахматам

ЗАЩИТА
ГРЮНФЕЛЬДА

ЛИСИЦЫН (белые) ТОЛУШ (чёрные)

1. Kg1 — f3 Kg8 — f6
2. c2 — c4 g7 — g6

Фланговое развитие слона в связи с дальнейшим ходом пешкой d7—d5 и составляют так называемую защиту Грюнфельда.

3. g2 — g3 Cf8 — g7
4. Cf1 — g2 0—0
5. d2 — d4 d7 — d5
6. c4 : d5 Kf6 : d5

7. 0—0 c7 — c5

8. e2 — e4 ...

Слабо 8dc, так как чёрный слон g7 получит тогда сильнейшую диагональ, а пешку на c5 всё равно удержать будет нельзя.

... Kd5 — f6

Как это часто бывает в защите Грюнфельда, контрудар c7—c5 привёл к быстрому уравниванию игры: у белых сейчас нет никакого преимущества.

9. Lf1 — e1 c5 : d4

10. e4 — e5
Белые без достаточных оснований пытаются осложнить игру. Взятие на d4 привело бы к дальнейшему упрощению.

10. ... Kf6 — d7

11. e5 — e6 Kd7 — b6
Серьёзная ошибка. Следовало, конечно, 11. fe, и не видно, как белые могут ис-

пользовать свою позицию

12. e6 : f7+ Kpg8 — h8

Оказывается, что взята эту пешку чёрные не могут из-за 13. Kg5 и возможным шахом ферзя с b3. Преимущество теперь переходит к белым.

13. Kf3 — e5 Kb8 — d7

14. Cc1 — f4 Kd7 — c5

Новая ошибка, и на этот раз решающая. Необходимо было уничтожить коня, сыграв 14. ...K : e5.

15. Kb1 — d2 Kb6 — d5

16. Kd2 — f3 Kd5 : f4

17. g3 : f4 Kc5 — e6

18. Фd1 — d2 a7 — a5

Запоздавшая попытка ввести в игру ладью a8

19. Le1 — e4 Ла8 — a6

20. f4 — f5!

Угрожая 21. K : g6+!

20. ... Cg7 : e5

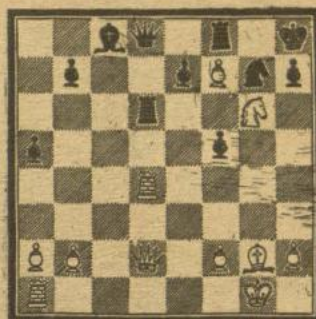
21. Kf3 : e5 g6 : f5

22. Le4 — h4 Ke6 — g7

23. Lh4 : d4 Ла6 — d6?

Чёрные не замечают ответа белых. Но партия их всё равно безнадежна. Если, например, 23. ...Фс7, то 24. Лс1, Ф : e5; 25. Л : c8! и выигрывают

24. Ke5 — g6+!!

Заключительная позиция.

Чёрные сдались.

СМЕСЬ

РАКЕТА

Когда ночное московское небо расцвечивается огнями победного салюта и высоко над городом причудливыми группами вспыхивают яркие ракеты, трудно представить себе, что искусство их приготовления было известно человечеству четыре тысячи лет назад.

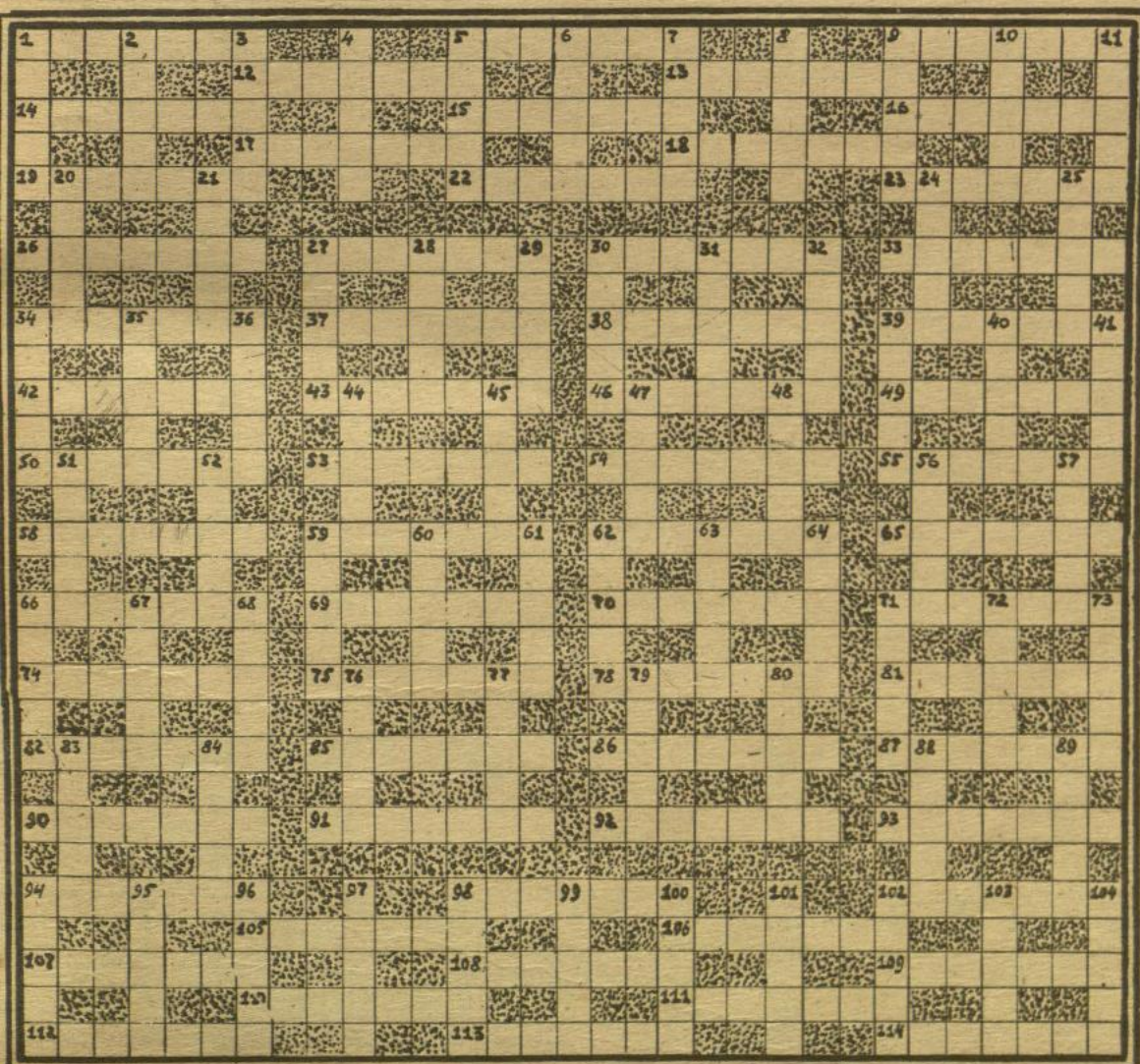
В Китае ракетами сигнализировали на войне, отмечали праздники. Но были там и траурные ракеты: они наполнялись веществом, дававшим огромный количественный эффект, тучами опускавшегося на землю...

В России развитие ракетного дела связано с именем Петра I. Он сам изучил много секретов приготовления ракет, выписывал из-за границы пиротехников и ввёл в русской армии ракету как средство сигнализации.

Инж. А. Морозов

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Л. О. Смирнов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Холод 2. Дерево 3. Похищение 4. Представитель государства 5. Морской термин 6. Музыкальное произведение 7. Физкультура 8. Небольшое судно 9. Замкнутая общественная группа 10. Травя 11. Внезапное нападение 20. Часть природного здания 21. Шведская монета 24. Оптическое стекло 25. Образ 27. Дерево 28. Листья корнеплодов 29. Болезнь 30. Обувь 31. Промышленное объединение 32. Спортсмен 34. Принадлежность журналиста 35. Звезда 36. Уборочная кампания 39. Сорт

материал 40. Создатель произведения в области науки, литературы, искусства 41. Продукция хлопчатобумажной мануфактуры 44. Река в Европе 45. Плясок 47. Лишение свободы 48. Сорт сельдей 51. Офицерский чин в прежних казачьих войсках 52. Луговое растение 56. Насекомое-паразит 57. Осадок от горения 59. Посевной огородный материал 60. Нагноение 61. Подвижка 62. Тригонометрическая величина 63. Липо для поручений 64. Животное 66. Вид почвы 67. Волос или шерсть на хребте у некоторых животных 68. Дом в древней Руси 71. Морской разбойник 72. Житель прибрежной с

СССР страны 73. Скорбь об умершем 76. Катастрофа в горах 77. Вид упаковки газетной бумаги 79. Элак 80. Спазматическое явление 83. Хищная морская рыба 84. Кухонная принадлежность 88. Вазар 89. Масло для покраски 94. Верхняя часть алаковского растения 95. Мешок 96. Термин в бухгалтерии 97. Дефект при обработке земли 98. Растение 99. Мошеничество 100. Высокомерие 101. Опухоль 102. Запальность, возбуждённое состояние 103. Налог 104. Зрелищное предприятие.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Столбчатый инструмент 5. Вид автотранспорта 9. Нефтепродукт 12. Профессия жителей прибрежных районов 13. Временное жильё 14. Электромузыкальный инструмент 15. Род занятий 16. Старинное русское название ружья 17. Инструмент разведывательного бурения 18. Научный доклад 19. Задача 22. Французский деятель XVIII века 23. Азбука 26. Член верхней законодательной палаты в некоторых странах 27. Воля 30. Молочный продукт 33. Комичный случай 34. Морской промысел 37. Удаление секты 38. Дорога через горный хребет 39. Женское платье 42. Строительный материал 43. Божество древних народов 46. Желудочно-кишечное заболевание 49. Термин в электротехнике 50. Отсутствие света 53. Войско князя в древней Руси 54. Старый, закалённый солдат 55. Защита 58. Обзор в пустыне 59. Посылка на Кубани 62. Продукт переработки нефти 65. Хлеб 66. Литературная кража 69. День недели 70. Название шведской газеты 71. Документ 74. Озеро в СССР 75. Канцелярская принадлежность 78. Попутчик 81. Способ привлечения внимания к чему-либо 82. Пустыня в СССР 85. Примитивный народный музыкальный инструмент 86. Мужское имя 87. Орудие передовой сельскохозяйственной техники 90. Роща 91. Благородный металл 92. Морская профессия 93. Человек, утрачивший трудоспособность 94. Торжественное музыкальное произведение 98. Имя персонажа сказки А. Толстого «Золотой ключик» 102. Пирожковой гимнаст 105. Животное 106. Локомотив 107. Лицо, удостоенное за свои труды высшей награды или премии 108. Обряд у сектантов 109. Театральная профессия 110. Домашняя птица 111. Метод или форма научных занятий 112. Москательный товар 113. Судно 114. Харчевня

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ
В № 23—24 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Путь 3. Суворов 7. Вискова 11. Окоп 17. Болотников 18. Вал 19. Шестакович 22. Дуга 23. Вук 24. Водород 25. Док 26. Енот 31. Фасон 33. Тарак 34. Порог 35. Фиорд 38. Фет 42. Пли 44. Гул 45. Портрет 46. Люк 47. Рок 52. Тир 53. Лесбия 54. Пик 55. Камерун 60. Курск 61. Алтай 62. Радия 63. Фугас 69. Бизарта 70. Век 71. Неверов 72. Зоб 75. Дот 77. Ток 78. Рыбинск 79. Кыт 81. Лак 85. Бур 87. Капот 88. Посев 89. Кольт 90. Резец 96. Асот 97. Лев 98. Акрихин 99. Тля 100. Буре 105. Рекламация 106. Зис 107. Перфоратор 110. Вена 111. Фарадей 112. Фортуна 113. Крит

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Победа 2. Телеграф 4. Уникум 5. Озон 6. Ом 8. Ил 9. Крот 10. Затвор 12. Ковентри 13. Печать 14. ГТО 15. Фагот 16. Икс 20. Толстой 21. Воронеж 27. Бот 28. Бас 29. Сова 30. Тип 32. Сет 36. Оля 37. Мюрат 39. Бурса 40. Уткин 41. Сюжет 43. Порох 48. Шекспир 49. Кислота 50. Паритет 51. Кулузов 56. Суд 57. Паб 58. Мак 59. Гаа 64. Казус 65. Сезон 66. Демиз 67. Зенит 68. Бетон 73. Лисенко 74. История 76. Сыл 80. ВУЗ 81. Лавочкин 82. Кок 83. Сож 84. Лыс 85. Бек 86. Редуктор 91. Нагрев 92. Декада 93. Визар 94. Платон 95. Секрет 101. Чад 102. Рига 103. Пешт 104. Ура 106. Ге 109. По

В СТАВКЕ ГИТЛЕРА

